

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 42 ОКТЯБРЬ 1976

Во время переговоров.

ДРУЖБА И СОТРУД

Подписание советско-ангольских документов.

Фото А. Гостева.

НИЧЕСТВО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 42 (2571)

16 ОКТЯБРЯ 1976

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 7 октября в Москву с официальным визитом прибыл Председатель Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), Президент Народной Республики Ангола товарищ Антонио Агостиньо Нето во главе партийно-государственной делегации НРА.

7—8 октября в Кремле проходили советско-ангольские переговоры.

Переговоры вели:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев;

с ангольской стороны — Председатель Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), Президент Народной Республики Ангола Антонио Агостиньо Нето, член Политбюро МПЛА, министр иностранных дел Ж. Э. душ Сантуш, член Политбюро МПЛА, министр планирования и координации экономики К. Роша, член Политбюро МПЛА, начальник генерального штаба Народных вооруженных сил освобождения Анголы Ж. Л. Нето.

Во время переговоров, проходивших в сердечной, дружественной обстановке и в духе взаимопонимания, состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам советско-ангольских отношений. Было отмечено, что дальнейшее развитие этих отношений, укрепление их основы отвечают интересам советского и ангольского народов, служат делу мира и безопасности как в Африке, так и во всем мире.

Состоялся также обмен мнениями по актуальным проблемам международной обстановки, представляющим взаимный интерес.

8 октября в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание советско-ангольских документов.

Подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Ангола.

Договор подписали: за Союз Советских Социалистических Республик Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев; за Народную Республику Ангола Председатель Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), Президент НРА А. Нето.

Затем было подписано соглашение о сотрудничестве Коммунистической партии Советского Союза и Народного движения за освобождение Анголы.

Соглашение подписали: за Коммунистическую партию Советского Союза Л. И. Брежнев, за Народное движение за освобождение Анголы А. Нето.

Было подписано советско-ангольское заявление. Его подписали: за Союз Советских Социалистических Республик Л. И. Брежнев, за Народную Республику Ангола А. Нето.

Председатель Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), Президент Народной Республики Ангола А. А. Нето 7 октября посетил Мавзолей В. И. Ленина и возложил венок. Минутой молчания он почтил память создателя первого в мире социалистического государства, вождя мирового пролетариата.

Партийно-государственная делегация НРА возложила венок к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Она почтила память советских воинов, отдавших жизнь в борьбе против фашизма, во имя прочного мира на земле.

Коллектив Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича тепло и сердечно встретил 8 октября товарища Антонио Агостиньо Нето, членов партийно-государственной делегации НРА. Перед собравшимися на митинге выступил А. А. Нето.

Герои жатвы — одиннадцать лучших комбайнеров совхоза имени Г. Димитрова Кустанайского района: А. С. Гринь, В. П. Потапенко, А. Ф. Шефер, В. В. Картинин, И. В. Волик, И. К. Донченко, Д. Д. Беленький, Л. П. Подейко, В. И. Охримчук, А. Н. Мартыненко, А. А. Махота.

Фото В. Арсирия

ХЛЕБ КАЗАХСТАНА

1 120 000 000

пудов зерна — новая победа хлеборобов Казахской ССР.

НА СВЯЗИ — КУСТАНАЙЦЫ, МАСТЕРА ЦЕЛИННЫХ УРОЖАЕВ.

Вот и восточная житница страны — Казахская ССР — управилась с уборкой урожая. Нет, никогда еще земледельцы этой республики не продавали столько хлеба. И главное, до «белых мух». Уже к концу первой недели октября они вывезли на государственные элеваторы 18,35 миллиона тонн зерна, а ведь это один миллиард сто двадцать миллионов пудов, если счет вести по привычным крестьянским меркам. Перевыполнены даже повышенные социалистические обязательства! Но и сейчас еще продажа хлеба продолжается. Ежесуточно выписываются квитанции не менее чем на восемьдесят тысяч тонн сверхпланового зерна — велика нива республики, хороший нынче намолот!

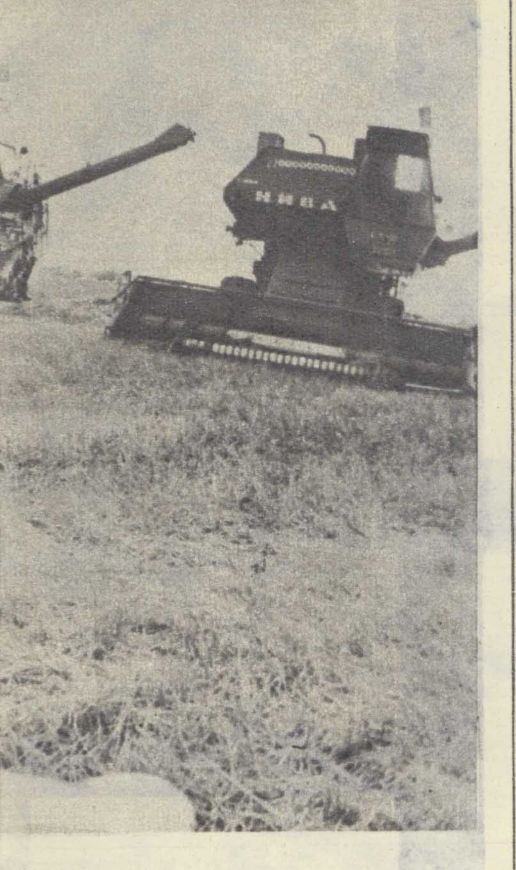
Конечно, первым естественным желанием было поздравить с ударным намолотом знакомых хлеборобов кустанайской журавлиной степи, старожилов совхозов «Краснопресненский», «Боровской», «Харьковский», «Тенизовский», имени Летунова, «Барковский»... У телефона первый секретарь Боровского райкома партии А. Г. Ванин:

— Наша степь особенно прекрасна в урожайный год, поздней осенью, тогда, когда на бескрайних полях воцаряется тишина, а наши герои — механизаторы, агрономы и все, кто причастен к хлебному творчеству, к бурному натиску страды, испытывают не только понятную усталость, но и глубокое удовлетворение от большой работы. А масштабы у нас, сами знаете, целинные, богатырские! В нынешнем году уборочная площадь занимала свыше трехсот тысяч гектаров. Намолот составил более двадцати пяти миллионов пудов зерна. На фронт уборки были брошены тысяча двести комбайнов, две тысячи автомашин. Слово, данное в Алма-Ате товарищу Леониду Ильичу Брежневу, кустанайцы сдержали. А сейчас наши пахари, в их числе и прославленная трактористка Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Камшат Доненбаева, которую помнят читатели «Огонька», поднимают зябь, готовят поля к урожаю второго года пятилетки.

То, что рассказал по телефону Алексей Григорьевич Ванин, относится только к делам одного района одной области. Но и по его

Жакен Аукенович Сансызбеков — председатель сельского Совета поселка Танабай, но и он с первых дней жатвы сел за штурвал комбайна.

словам, цифрам можно ощутить грандиозный размах свершений на казахстанской земле, величие одержанной победы. Мастера урожая славной Кустанайской области продали хлеба больше всех — 243 миллиона пудов и все еще вывозят зерно на элеваторы.

Жатва назвала и новых героев. Алексей Григорьевич Ванин сообщил, что только в одном Боровском районе семьдесят девять комбайнеров добились намолотов от десяти до двадцати тысяч центнеров зерна на комбайн. Такая выработка еще год-два назад была уделом одиночек. Теперь же рядом с мастерами встали в полный рост новые герои, например, отлично работает Кунтузай Ибраева, трактористка, член ЦК Компартии Казахстана, и многие другие.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев горячо поздравил рабочих совхозов, колхозников, механизаторов, руководителей и специалистов хозяйств, ученых, работников сельскохозяйственных и заготовительных органов, коллективы промышленных предприятий, транспортных организаций, учебных заведений, партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников Казахстана, всех, кто активно участвовал в борьбе за хлеб, с завершением жатвы и успешным выполнением высоких социалистических обязательств по продаже зерна государству.

Президиум Верховного Совета СССР наградил члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаева орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот» — за большие заслуги по мобилизации коммунистов и всех трудящихся республики на успешное выполнение решений XXV съезда партии по развитию сельского хозяйства и успешное выполнение принятых высоких социалистических обязательств по продаже государству зерна и других сельскохозяйственных продуктов в 1976 году.

Сквозь дождь и первые снежные заряды пробиваются новые и новые машины с хлебом...

Н. БЫКОВ

Кадр из фильма «Партийный разговор».

ПАРТИЙНЫЙ РАЗГОВОР

Новый документальный фильм «Партийный разговор», показанный 11 октября Центральным телевидением, возвратил нас к памятным сентябрьским дням, когда партийно-хозяйственный актив Казахстана обсуждал ход выполнения плана и социалистических обязательств первого года пятилетки трудящимися Казахстана. По прямым передачам, по кадрам хроники мы помним этот откровенный партийный разговор; весь его тон был задан Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Проникнутая оптимизмом, верой в творческие силы миллионов тружеников города и села речь Леонида Ильича воспринята как руководство к действию, как программа реализации решений партии на ударном участке борьбы за урожай. «...Хотелось бы подчеркнуть,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС,— что как судьба урожая, так и экономическое развитие страны в целом зависят в конечном счете от трудовой активности многомиллионных масс, от того, как работают все коммунисты, вся партия».

Именно трудовая активность масс, руководимых Коммунистической партией, стремление партии и народа решить нерешенное, преодолеть трудности — главная тема нового телевизионного фильма. Его авторы — сценарист В. Сергеев, режиссеры М. Литовчин и А. Хухриков показали нам сегодняшний день страны, рассказали средствами документального кино о том, как партийные организации, трудовые коллективы, все советские люди стремятся внести свой вклад в общее дело реализации решений XXV съезда КПСС. Это находит свое яркое выражение во множестве патриотических начинаний, в широко развернувшемся социалистическом соревновании, которое, как подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев, «носит поистине всенародный характер».

Отображение подлинно массового характера живого участия людей в решении коренных экономических проблем — одна из главных заслуг создателей фильма. Им удалось наглядно представить неразрывную связь партии и народа, помочь зрителям почувствовать эту связь.

Центральное телевидение показало яркую, эмоциональную и по-настоящему публицистическую ленту.

А. КИРИЛЛОВ

ЗА СТРОИТЕЛЬСТВО БАМа

Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За строительство Байкало-Амурской магистрали».

Медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали» награждаются активные участники строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, железнодорожной линии Бам — Тында — Беркакит, второго пути железнодорожной линии Тайшет — Лена, объектов производственной базы и жилищно-гражданского назначения за хорошую работу на строительстве, высококачественное выполнение проектно-изыскательских работ, добросовестный труд на предприятиях, в учреждениях и организациях, обслуживающих непосредственно строительство и строителей.

Медалью, как правило, награждаются рабочие, инженерно-технические работники и служащие, проработавшие на строительстве и по его обслуживанию не менее трех лет.

Медаль «За строительство Байкало-Амурской магистрали» носится на левой стороне груди и располагается после медали «За освоение целинных земель».

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

ПОЛЕСЬЕ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

БЕЛОРУССИЯ

1

Новостройки в белорусских селах проектирует институт «Белгипросельстрой». Немалое место в его деятельности занимают ныне осушенные земли Полесья. Об этом наш корреспондент А. Щербаков беседовал с ГЛАВНЫМ ИНЖЕНЕРОМ ИНСТИТУТА П. А. ШЕЛАВИТЕЛЕВЫМ.

— Работой на белорусском Полесье мы занимаемся с 1965 года. В последние десять лет самым крупным нашим заказчиком стал «Главполесьеводстрой» — организация, которая ведет осушение земель, строительство и реконструкцию совхозов.

Первые большие проекты планировок в пятнадцати совхозах подсказали нам новый, современный подход к переустройству и созданию сел на осушенных землях: мы впервые комплексно решали задачу планировки и жилой и производственной зон.

В производственную зону сел войдут, например, крупные животноводческие комплексы. В совхозе «Красный бор», Гомельской области, это будет коровник на 1100 голов, в совхозе «Новое Полесье», Минской области,— комплекс на три тысячи нетелей.

У нас создана мастерская, которая обслуживает только полесскую зону. Здесь работает около шестидесяти сотрудников высокой квалификации. Особенно много сделали за эти годы для Полесья наши специалисты лауреат Государственной премии В. Н. Емельянов, Н. М. Неделько, И. Т. Коробкин. Но проблему освоения новых земель сегодня можно решить только общими силами, в союзе со многими организациями и ведомствами. У нас крепнут связи с «Главполесьеводстроем», с институтом «Белгипроводхоз», который проектирует осушительные системы, с Министерством сельского строительства БССР. Самое активное участие в обсуждении всех наших проектов и планов принимают партийные и советские органы Полесья.

В десятой пятилетке мы должны будем участвовать в создании и реконструкции тридцати совхозов. Важно решить эту задачу так, чтобы помочь Полесью стать районом передовой, высокой культуры.

На снимке: В совхозе «Малеч».

Фото В. Барановского

ЛЕТИМ НА ЭТАЖИ!

МОСКВА

2

— Мы с вами будем сегодня испытывать подъемные кабины,— сказал главный конструктор лифтов кандидат технических наук Шаповаленко, который возглавляет отдел головного завода объединения «Союзлифтмонтаж», завода, находящегося на окраине Щербинки — под самой Москвой.

...Первый этаж единственной в Советском Союзе башни по испытанию лифтов. Вверх, вниз, потом снова наверх. Скорость — 1,4 метра в секунду (в современных домах — вдвое меньше). В кабине огромное зеркало, дубовые изящные перила. Электронное табло. Свет во весь потолок. Легкий гул вентилятора...

— Зазевайтесь, пожалуйста,— неожиданно остановив лифт и открыв дверь, предлагают мне.

— То есть как это?

— Выйдите и попробуйте вбежать в закрывающуюся кабину.

Так и сделал. Дверь тут же распахнулась перед занесенной ногой: действует фотозащитное устройство и реле.

— Но давайте проявим невежливость к лифту,— говорит А. М. Шаповаленко и приглашает не двенадцать человек, как положено, а пятнадцать. Лифт «рассердился» и не тронулся с места. Потом имитировали обрыв канатов. Кстати, это из области фантастики: так не бывает, чтобы разом оборвались все шесть канатов. Но и в этом сверхслучае лифт «пролетел» всего 200—300 миллиметров — на каком бы этаже его ни бросали испытатели. Срабатывали «ловители»...

За окнами башни высотные дома. Вдали Москва. Главный конструктор сообщил мне, что в столице лифт, наш добрый попутчик, перевозит за сутки значительно больше пассажиров, чем все виды транспорта: такси, трамвай, троллейбус и метро...

Лимарий СЕМЕНОВ

На снимке: Пассажиры лифта — сами экспериментаторы.

Фото А. Бочинина

ИЗ ТАЙГИ В АПТЕКУ

ГОРНЫЙ АЛТАЙ

3

Мы приехали в совхоз «Шебалинский» в страдную пору: идет срезка пантов. Делается это только рано утром. Из вольера длинная дощатая галерея ведет в панторезку — специально оборудованную клетку для съема пантов. Несколько движений инструментом, похожим на лобзик, и рогач уже без своей «короны» стремглав мчится в тайгу. Корона, еще пышнее прежней, вновь отрастет через год.

— Главное — не нарушить точку роста,— объясняет бригадир-маралловод Клементий Андреевич Фалеев, работающий в совхозе уже двадцать лет.— Иначе рог вырастет короткий и прямой. А он чем ветвистее, тем ценится выше.

Спрашиваю: сколько весит пант? В среднем около шести килограммов, но бывают и крупнее. Все зависит от возраста животного и от питательности рациона. Маралы получают и силос из подсолнечника, и сено с альпийских лугов, и концентраты.

Правильно и в срок законсервировать «урожай» — тоже серьезная и непростая забота мараловодов. Сразу же после съема панты погружают на одну минуту в ванну с горячей водой, затем отправляют в сушилку. Эту операцию дважды повторяют. Затем — горячая сушка в течение пяти дней и многодневная — на ветру. И, наконец, «отделка» — рога протирают спиртом, чтобы удалить жир. Затраты ручного труда пока велики.

— Будущее пантового оленеводства — это специализированные комплексы,— говорит главный зоотехник совхоза Леонид Филиппович Абанин.— Первый такой комплекс сейчас строится у нас. Все отдельные операции будут сведены в одну линию и механизированы. Производительность труда резко возрастет, а качество сырья сохранится полностью. Сейчас на парковых пастбищах совхоза — островках тайги, огороженных металлической сеткой,— содержится тысяча семьсот маралов и пятнистых оленей. В новом комплексе их будет около двух с половиной тысяч.

Горный Алтай — родина мараловодства. В минувшей пятилетке он дал свыше половины всех пантов, получаемых в стране. Специализация откроет новые резервы уникальной отрасли животноводства.

Б. ЛАБУТИН

На снимке: Бригадир-мараловод К. А. Фалеев: «Отменные панты!»

Фото автора

ФАМИЛЬНЫЙ КУВШИН

ГРУЗИЯ

4

Недалеко от Сагареджо, славного кахетинского городка, повстречался мне грузовик, ехавший со скоростью ослика, запряженного в тележку. Еще бы, везли драгоценный груз — квеври, кувшин, в котором хранится вино. Квеври закапывают в землю в погребе — марани — по самую горловину. Квеври передают из поколения в поколение. И когда Бежанишвили построили новый дом и стали переезжать, Василий, глава семьи, первым делом выкопал свой квеври. Я спросил, сколько же он вмещает вина.

— Полторы тысячи литров! — с гордостью ответил Василий. — Теперь таких не делают.

— А этот когда же сделали?

— Мой дед говорил, что его дед ему говорил, что этот квеври первый раз наполнили, когда маленький кахетинец победил турок под Аспиндзой.

«Маленьким кахетинцем» в Грузии называют царя Ираклия II, бесстрашного воителя и выдающегося полководца. Под Аспиндзой Ираклий с полуторатысячным отрядом разбил четырехтысячную армию турок. А было это в 1770 году! Видимо, пращур Бежанишвили, который, вполне возможно, и сам принимал участие в битве, заказал гончарам на радостях кувшин-великан.

В. КАДЖАЯ

Фото автора

2

«ПОСОРЕВНУЮСЬ С СЫНОВЬЯМИ!»

ДОНЕЦК

5

Тридцать лет назад пришел в бригаду Василия Кузьмича Галкина, работавшего на шахте «Лидиевка» в Донецке, его сын Владимир. Минуло время, и он стал отличным проходчиком. И когда в 1956 году отец уходил на пенсию, то передал бригаду сыну. В 1972 году начали работать в этой бригаде уже внуки старого шахтера — Василий и Александр.

А полгода назад все семейное «трио» проходчиков Галкиных перешло на новую шахту — «Южнодонбасская» № 1. Здесь Владимир Васильевич возглавил отстающую бригаду, в которой его сыновья стали звеньевыми. Вскоре бригада прославилась как одна из лучших на предприятии. Совсем недавно В. В. Галкин передал этот коллектив сыну Василию, а сам опять поспешил на помощь отстающим. Но не забывает и о своей прежней бригаде: взял над ней трудовое шефство. Теперь возглавляемый им коллектив набирает темпы, преодолевает отставание. «Как только выйдем из прорыва, — говорит Владимир Васильевич, — посоревнуюсь с сыновьями. Пусть не надеются, что буду для них легким соперником!»

Г. НАВРИЧЕВСКИЙ

На снимке: Коммунист В. В. Галкин и его сыновья — коммунист Василий и комсомолец Александр.

Фото автора

6

ВИТАМИН ДЛЯ СТАЛИ

ТУЛА

6

Ванадий... По интенсивности освоения промышленностью он является одним из ведущих металлов XX века.

Сплавы ванадия широко используются для изготовления ответственнейших деталей космических кораблей, ракет-носителей, баллистических ракет и сверхзвуковых самолетов.

Промышленность потребляет не менее 200 марок стали, свойства которых облагорожены ванадием. Микроскопические (0,03—0,1 процента) добавки этого «витамина» в углеродистую сталь значительно повышают ее прочность без заметного снижения пластичности и вязкости.

Согласно прогнозам ученых, к 2000 году общее потребление ванадия на земле увеличится в 4—5 раз.

Но, к сожалению, его производство — одно из самых вредных производств в мире. Там, где получают ванадий и его сплав с железом — феррованадий, в тех районах земли природа носит печальные следы этого производства. Воздух и вода сильно загрязнены.

И вот новый завод по производству феррованадия вырос недалеко от Москвы, под Тулой. Здесь совсем рядом — всемирно известная Ясная Поляна, где жил и работал Лев Толстой. Место паломничества многочисленных туристов, живописный уголок русской природы. А тут завод по производству ванадия. Нелепость?

Однако нелепостью это может показаться лишь тому, кто не знает, как работает новый завод. А работает он таким образом, что вредное влияние на окружающую природу исключено, никаких выбросов в виде хлора или щелочных вод нет.

Говорит лауреат Ленинской премии, заместитель директора Центрального научно-исследовательского института черной металлургии имени И. П. Бардина доктор технических наук Н. П. Лякишев:

— Их нет, потому что в процессе извлечения ванадия вместо общепринятых соды или сильвинита мы применяем совсем другое вещество. Какое? Это пока наша тайна. К тому же при новой технологии образуются не вредные отходы, а материал, который вполне можно будет использовать в строительстве.

За создание нового комплекса группа советских специалистов удостоена Ленинской премии 1976 года.

Словом, победа полная. Что же дальше? Казалось бы, можно почивать на лаврах. Но давайте заглянем в одну из лабораторий, откуда начинала свой путь новая технология, и посмотрим, чем занимаются ее создатели теперь.

Мы в лаборатории ферросплавов Центрального института черной металлургии. Сегодня здесь продолжается изучение процессов извлечения ванадия из шлаков.

Рассказывает лауреат Ленинской премии, старший научный сотрудник лаборатории доктор технических наук Н. П. Слотвинский-Сидак:

— Нам многое предстоит еще понять и усовершенствовать. Например, уже сейчас мы знаем, как в пять — семь раз ускорить процесс осаждения ванадия из раствора. При этом его концентрация в сливных водах уменьшится втрое. Но пока все это на уровне лабораторных исследований. Есть у нас идея в будущем осуществить процесс по замкнутому циклу. Все реагенты станут обращаться по кругу. Представляете, какая экономия! У нас уже есть опытная лабораторная установка, в которой осуществлен этот процесс.

Сергей ВЛАСОВ

На снимке: Научно-производственное объединение «Тулачермет». Электропечь для выплавки феррованадия.

Фото П. Маслова (ТАСС)

В. ТОМИН

Телль-Заатар,
Каждый выстрел в тебя отозвался поэмой.
Траур всех женщин мира на флаге твоем,
И стихи о тебе — динамит у врага под ногами.

Муин Бсису, палестинский поэт. 1976 г.

За пятьдесят два дня осады — с конца июня и по 12 августа — на лагерь палестинских беженцев и ливанской бедноты, что примостился у восточной окраины Бейрута, обрушилось шестьдесят тысяч снарядов, мин и ракет. Без воды и хлеба, без лекарств защитники лагеря сражались до конца. Они умирали, как коммунары, на баррикадах и в рукопашных схватках. Сколько их погибло, никто точно не знает. Здесь каждый свободный клочок земли — могила.

Коварно ворвавшись в лагерь в тот момент, когда автомашины международного Красного Креста готовились забрать раненых, озверевшие молодчики из правохристианских вооруженных отрядов партии Катаиб, национальных либералов и ультраправой организации «Фронт защиты кедра» учинили массовую расправу над оставшимися в живых... Тысячи мирных жителей кинулись из лагеря, попадая под перекрестный огонь снайперов. Большинство из них были женщины, дети, старики. Автоматные очереди добивали раненых.

Все шестьдесят медицинских работников лагеря, которые в течение недель самоотверженно ухаживали за ранеными и больными, отдавая им свою кровь и деля свой скудный паек, были убиты.

«Я видел,— рассказывает один из немногих уцелевших врачей, доктор аль-Ираки,— как их строили десятками по двое в ряд, выводили и расстреливали из автоматов».

Фактически Телль-Заатар подвергался осаде правых сил в течение более шестнадцати месяцев со времени начала гражданской войны в стране. Расположенный у отрогов гор лагерь стал одним из первых поселений палестинских беженцев, изгнанных израильтянами с родной земли. Первые беженцы пришли сюда в конце сороковых и начале пятидесятых годов из семидесяти семи пограничных деревень. Среди палестинцев были и христиане и мусульмане, но никогда различие верований не разделяло их, не вызывало вражды. Позже здесь же поселилась ливанская беднота из южных районов страны, опустошаемых набегами израильтян. Бидонвили со временем сменились одно-двухэтажными домами, но и они не прикрыли ужасающей нищеты. Достаточно сказать, что здесь никогда не было современного водопровода. По внешнему периметру лагеря стали строиться промышленные предприятия — текстильные и пошивочные, сигаретные фабрички, которыми владели богатые христиане. Телль-Заатар поставлял дешевую рабочую силу. В душных, непроветриваемых помещениях тельзаатарцы кроили и шили одежду, набивали сигареты...

Жизнь палестинцев в Ливане никогда не была спокойной. Изгнанные со своей родной земли и нашедшие приют за границей, они и здесь продолжали подвергаться нападениям своих гонителей. Израильские воздушные налеты на лагеря палестинцев — будь то в Бейруте, где образовалось семь таких прибежищ для обездоленных, в Сайде или Набатии, вторжения в глубь ливанской территории вооруженных отрядов и диверсионных групп, памятное убийство трех палестинских лидеров участниками израильского десанта в Бейрут в апреле 1973 года — все это звенья в цепи преступлений сионистской и международной реакции. Жертвы среди палестинцев насчитываются десятками и сотнями... Пылают жилища, разрушаются школы и больницы... От этих нападений страдают и ливанцы. Налеты, вторжения, похищения людей, нарушения воздушного пространства — без этих почти ежедневных сообщений не выходила ни одна ливанская газета. В небе над столицей и другими городами и населенными пунктами страны хозяйничали израильские стервятники. За 2188 дней — с 14 июня 1968 года по 10 июня 1974 года — 3036 нарушений суверенитета Ливана со стороны Израиля. При этом двенадцать крупных операций, включая оккупацию в сентябре 1972 года израильскими войсками южных районов страны, в результате чего 2226 ливанцев было убито, 566 ранено.

Не оставляют в покое палестинцев и ливанские реакционеры, которые пытаются представить дело таким образом, будто бы присутствие «чужаков» на ливанской земле навлекает беды на самих хозяев. Палестинцы, обосновавшиеся в пятнадцати лагерях по всему Ливану, оказываются подчас под перекрестным огнем. С 1969 года начинают возникать стычки между отдельными частями ливанской армии и отрядами правохристианских партий, с одной стороны, и палестинцами — с другой. Чувствуя себя в окружении, палестинцы укрепляются в своих лагерях, строят убежища от воздушных налетов, накапливают продовольствие и медикаменты, а заодно и оружие... Столкновения между армией и палестинцами в 1969 году побуждают ряд арабских стран выступить посредниками в урегулировании отношений между ливанским государством и палестинцами, что находит свое выражение в Каирских соглашениях от ноября 1969 года, которые призваны определить условия нахождения палестинцев и их военных отрядов в лагерях. В тот момент соглашения встречают понимание ливанских руководителей, и они ставят под ними свою подпись. Но столкновения продолжаются и в последующие годы. В 1973 году ливанская армия, руководимая правым офицерством, пытается подавить очаги сопротивления палестинцев в Бейруте. На сей раз лагеря палестинских беженцев бомбят ливанские самолеты. Но Палестинскому движению сопротивления в то время удается защитить себя от разгрома и сохранить свои позиции. Руководители движения неоднократно заявляли о своей готовности уважать суверенитет и независимость Ливана, не допускать какого-либо вмешательства во внутренние дела страны. Однако эти заверения не достигают цели, разбиваясь о стену молчания. В прошлом и нынешнем годах уже правые силы, а не армия выступают самостоятельными организаторами и инициаторами столкновений с палестинцами.

Гражданская война в Ливане начинается с нападения правохристианских отрядов милиции партии Катаиб (ливанских фаланг) на автобус с палестинцами, проезжавший через христианский пригород Бейрута Айн ар-Руммана

Жертвами артиллерийского и минометного огня фалангистов часто становились дети, женщины, старики. На снимке: раненые дети в одном из бейрутских госпиталей.

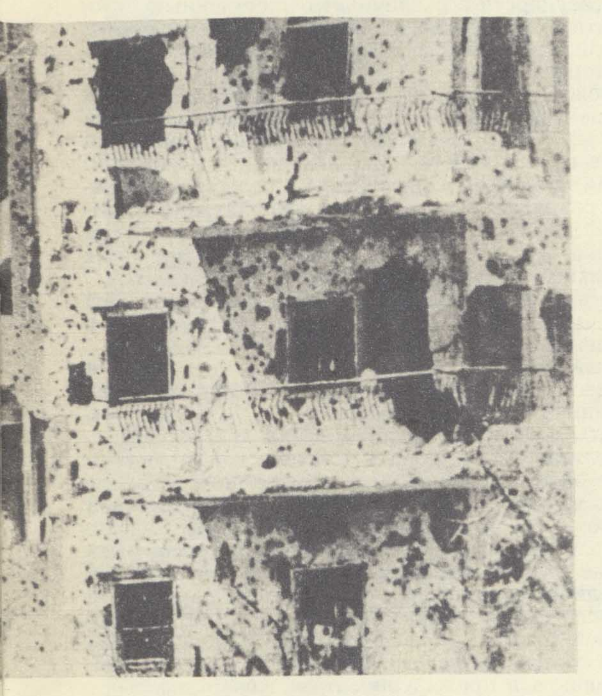
13 апреля прошлого года. 27 пассажиров автобуса из 30 убито. Как от электрического разряда, пожар боев распространяется постепенно по всему городу. Это война против палестинцев, хотя у нее куда более широкие цели. Ведь прикрываясь ненавистью к палестинцам, ливанские правые хотят сохранить в своих руках власть, защитить свои привилегии, которыми они пользовались все эти годы в экономической жизни, нанести удар по национально-патриотическим силам страны, давно уже добивающимся социальных перемен, устранения так называемого конфессионализма (распре-

ТРАГЕДИЯ ТЕ

Фотохроника ТАСС

В Телль-Заатаре нет больше ни улиц, ни домов. Фактически он стерт с лица земли.

деление руководящих постов в стране по религиозно-общинному принципу), проведения демократических реформ, ликвидации остатков феодализма...

Уже 20 мая прошлого года возникают стычки у лагеря Телль-Заатар. Правохристианские отряды предпринимают атаку, затем следует первая блокада лагеря. Лишенное продовольствия и медикаментов, его население начинает испытывать на себе ужасы блокады. Правда, тогда еще были передышки. Время от времени блокада ослабевает, и тогда удается доставить в лагерь муку и другое продовольствие...

По мере того, как разгорался огонь гражданской войны, множились случаи зверства и жестокости со стороны правых. В январе этого года пали кварталы бейрутской бедноты Маслах и Карантина. Многие жители их погибли, а дома сровнены бульдозерами. Именно здесь зародилась бесчеловечная практика правохристианских молодчиков сметать с лица земли неугодные им районы. Что будет с жителями, их не интересовало — лишь бы изгнать их из города. Еще раньше таким же образом был уничтожен небольшой лагерь палестинских беженцев Дбайе. Сначала свинцовый ливень и шквал снарядов, затем бульдозеры сносят ветхие стены домов, сгребают в массовые могилы груды трупов.

Летом, в июне этого года, правые вновь почувствовали себя на коне. На этот раз они напали на находящийся в «их зоне» лагерь палестинских беженцев Джиср аль-Баша, один из небольших бейрутских лагерей, населенных примерно шестью тысячами беженцев. Прорвав после недельной осады оборонительные позиции защитников лагеря, они приступили к их физической ликвидации. Убивали оставшихся в живых бойцов, приканчивали раненых в больнице международного Красного Креста, расстреливали женщин и детей, пытавшихся убежать, а потом предавались грабежам, пыткам и насилию.

Сам вид головорезов из этих организованных и обученных иностранными инструкторами банд внушает ужас и отвращение. В черных масках с продырявленными отверстиями для глаз и рта, с болтающимися поверх рубашек на шее большими крестами — словно оравы крестоносцев, приходивших еще в средние века по призывам христианских монашеских магистров и европейских королей грабить народы Ближнего Востока. И руководитель ордена маронитских монахов преподобный «отец» Шарбель Кассис, напутствуя молодых людей, говорит: «Убивать во время войны не грех. Вы должны освободить Ливан от палестинцев и коммунистов».

На вопрос одного из бойцов правых отрядов, обращенных к священнику-фашисту, о том, грешно ли убивать женщин и детей, тот ответил: «Убивайте всех. Этот вирус нужно уничтожить». С такими же призывами к новобранцам обратились и лидер национальных либералов Камиль Шамун и руководитель фалангистских военных отрядов Башир Жмайель. Главарь экстремистской правой организации «Фронт защиты кедра» Абу Арз заявил еще более откровенно: «Мы не сложим оружия до тех пор, пока не будет убит последний палестинец на ливанской земле — будь то военный или гражданский».

Там, у себя в горах Кесруана, к востоку от Бейрута, они устраивают фашистские шествия, как в свое время это делали немецкие нацисты. Выбрасывая в нацистском приветствии руки, они маршируют со знаменами перед своими вожаками.

Недаром движение фалангистов, появившееся еще в тридцатые годы, возникло по образу и подобию нацистских организаций в Германии и Италии. Лидер и основатель партии ливанских фаланг (Катаиб) Пьер Жмайель, побывав в 1936 году на Олимпийских играх в Берлине и пленившись организацией и духом тогдашних нацистских молодежных отрядов, стал переносить их «опыт» на ливанскую почву. Главари христианских партий тесно связаны с крупной и средней буржуазией, их штурмовики и ландскнехты вербуются главным образом из среды мелкой буржуазии, столь многочисленной в этой стране древней торговли. Одни стараются обеспечить свои высокие прибыли, другие — поживиться хотя бы за счет грабежа, коль уж торговля заходит в тупик...

22 июня этого года начинается систематическая осада самого крупного в ливанской столице лагеря палестинских беженцев и ливанской бедноты Телль-Заатар. Зная его слабые места, нападающие прежде всего пытаются отрезать лагерь от источников подвоза продовольствия, лишить его воды и медикаментов. Ежедневно на него обрушивается лавина металла и огня. Снайперы ведут свой позорный счет у колодцев с водою, куда тайком пробираются женщины и дети, чтобы раздобыть ведро драгоценной воды. От жажды, от обезвоживания гибнут раненые, дети... «Каждая капля воды в Телль-Заатаре добывается ценою стакана крови»,— рассказывает председатель исполкома Организации освобождения Палестины Ясир Арафат.

В чем повинны тысячи и тысячи людей, населявших Телль-Заатар,— в том ли, что они палестинцы или бедняки-ливанцы? На двадцать второй день сопротивления, 13 июля, они обращаются к миру с душераздирающим письмом:

«В нашем лагере сейчас 30 тысяч человек — мужчин, женщин, детей и стариков. Около сорока процентов из них ливанцы-бедняки, остальные палестинцы. Сегодня наш лагерь стал ареной ужасных разрушений. Нет больше воды, кроме той, которую удается добывать из колодцев под угрозой обстрела и смерти. Нет пищи, кроме той, что удалось спасти после разрушения наших жилищ. Нет ни электричества, ни медикаментов для ухода за ранеными. Многих из раненых можно было бы спасти, но даже легкораненые истекают кровью из-за недостатка лекарств.

Вы не можете вообразить себе, сколь горестно и ужасно видеть, как на ваших руках умирает брат, друг или товарищ, которому вы не в силах ничем помочь. Мы хороним наших мучеников в ямах, которые нам удается вырыть, и некоторые из нас гибнут в тот момент, когда погребают своих братьев».

Этот крик души не остался не услышанным. Международная организация Красного Креста приняла меры к спасению раненых. В любой момент санитары Красного Креста готовы начать их перевозку. Наготове грузовики Красного Креста. Готовы помочь и госпитали Палестинского Красного Креста, хотя в них немало других раненых.

Мне вспоминается посещение одного из таких палестинских госпиталей, расположенного под землей в районе арабского университета Бейрута... Двухлетний мальчонка с только что ампутированной рукой. Паренек 10—12 лет, грудь и живот которого напоминают одну сплошную язву. Женщины, дети, бойцы лежат вперемежку. Они показывают нам на пустые койки, которые ждут жертв Телль-Заатара.

Но тщетно! Все договоренности об эвакуации раненых, которые достигаются с руководством правых, ими же и срываются. Как только грузовики Красного Креста приближаются к лагерю, по ним открывается огонь. Так повторяется несколько раз. Но вот как-то в начале августа удается вывезти около трехсот из четырех тысяч скопившихся в лагере раненых. Однако начавшаяся было эвакуация вновь сорвана. Наконец, 12 августа конвой машин Красного Креста подошел к лагерю. К ним устремились тысячи раненых и беженцев, уверенные в том, что конвой прибыл по договоренности. Кстати, так и было. Соглашение об эвакуации подписал сын лидера фалангистов Амин Жмайель.

Но именно в этот момент христиане бросились в свою последнюю атаку на лагерь. Они начали ее с опустошающего артиллерийского обстрела. В нем участвовали все виды оружия — от 75-миллиметровых гаубиц до 155-миллиметровых тяжелых орудий. Тысячи пуль и снарядов обрушились на ветхие дома и хижины лагеря.

В последних боях женщины участвовали наряду с мужчинами. Часто к ним присоединялись и дети. При помощи раций они вызывали на себя огонь орудий и ракет национально-

патриотических сил, расположенных в западных кварталах столицы. По меньшей мере двадцать из них погибли. Молодые бойцы, некоторым из которых было не больше 13—14 лет, вели рукопашный бой до конца. Но силы были неравны. Лагерь атаковало более семи тысяч вооруженных фалангистов, шамунистов, именующих себя «тиграми», и головорезов из «Фронта защиты кедра». В штурме участвовало более сотни бронемашин и танков.

Жан Хефлигер, глава миссии международного Красного Креста, которому удалось побывать в лагере еще до его падения, отвечая на вопросы журналистов, так охарактеризовал сложившееся там положение: «Все круги ада».

«С июня лагерь беспрерывно обстреливали. Фактически он был стерт с лица земли. Нет больше ни улиц, ни домов. Люди жили в страшной тесноте, в подземных убежищах. Выйти на поверхность означало отправиться навстречу смерти»,— говорит шведская медсестра Эва Сталь, которая была вывезена из лагеря последним конвоем Красного Креста, несмотря на обстрел правых. У Эвы ампутирована рука. Во время огневого налета одна из ракет разорвалась в комнате, где она жила. Ее муж Юсеф Хамади был убит на месте, сама она изрешечена осколками.

«16 месяцев мы работали без отдыха,— рассказывает другой спасшийся чудом врач, Абдель Азиз Лабади.— Мы создали 13 небольших пунктов «Скорой помощи». Перевязка раненых осуществлялась в чрезвычайно тяжелых условиях... Ни электричества, ни воды... Все шестьдесят человек медицинского персонала работали самоотверженно».

То, что поведал учитель Тофик Маарyф, типично для всех дней осады Телль-Заатара: «Мой брат Хуссейн покинул Телль-Заатар в 10 часов утра. Провожавшая его жена видела, как он был убит в нескольких сотнях метров от лагеря. Она бросилась к нему, чтобы прикрыть его труп одеялом. За нею побежал дядя. Но он также был убит».

«Во время нашей поездки в Ливан,— пишет один французский журналист,— мы могли наблюдать трагедию Телль-Заатара в бинокль. Нападавшие отрезали все подступы к лагерю. Мы видели, как его жители, не имея возможности предать павших защитников земле, укладывали их в пластиковые мешки... Телль-Заатар находился под постоянным огнем фалангистов...»

Ранее Телль-Заатара пал другой бедняцкий пригород в восточном районе столицы — Набаа, где в прежние времена проживало около ста тысяч человек, в основном мусульмане. К моменту его конца там оставалось едва несколько тысяч человек. Их выбросили за пределы города, заставили переселиться на юг страны... Почему же правые столь свирепствуют в бедняцких районах? Сначала Карантина и Маслах, лагеря Дбайе и Джисир аль-Баша, затем Набаа и Телль-Заатар...

Набаа и Телль-Заатар — рабочие районы. Один исключительно ливанский, другой — палестинско-ливанский. Расположенные в зоне, контролируемой правыми христианами, дорогой ценой заплатили они за то, что были боевыми районами трудящихся, за забастовки и кампании солидарности в поддержку требований национально-патриотических сил о проведении социальных реформ. Этого им никогда не могли простить крупные буржуа и мелкие лавочники. Правохристиане в равной мере расправлялись с бедняками ливанцами — христианами и мусульманами, бедняками палестинцами — также христианами и мусульманами. Не свидетельство ли это того, что конфликт, разгоревшийся в стране, носит отнюдь не религиозный, как это пытаются представить некоторые круги на Западе и в самом Ливане, а социальный характер.

Кончилась семинедельная осада. Из развалин выносят последнего оставшегося в живых жителя лагеря, 111-летнего Мохаммеда Селима Канаана, в то время как банды грабителей волокут тюки с одеялами, радиоприемниками и другим скарбом, чудом уцелевшим под развалинами. Вдали тихо звучит колокол, но этот колокольный звон набатом отдается в сердцах людей, готовых отстоять свое право на жизнь, на равноправное существование, вернуться к своим попранным очагам — будь то в Набаа, Телль-Заатаре или в Палестине...

ВО ИМЯ УПРОЧЕНИЯ РАЗРЯДКИ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Георгий КУЗНЕЦОВ

Если попытаться собрать воедино все комментарии и сообщения органов печати, появившиеся в мире в связи с интервью, которое Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев дал французскому телевидению, то получилась бы огромная книга. Если попробовать перечислить только города, где газеты, журналы, радио и телевидение обсуждали содержание ответов Леонида Ильича Брежнева, их список напоминал бы солидный географический справочник. И повсюду, где изучали текст интервью, в газетных колонках и дикторских сообщениях имя Л. И. Брежнева и слово «разрядка» связываются в одно целое.

Анализируя сказанное Генеральным секретарем ЦК нашей партии, польская газета «Дзенник людовы» предпослала своему комментарию заголовок: «Не только для французов». Тем самым она очень точно определила международное значение обращения Леонида Ильича Брежнева к телезрителям Франции, ибо в нем спокойно, убедительно и авторитетно была еще раз подтверждена генеральная линия ленинской внешней политики Советского Союза, неустанно борющегося за упрочение разрядки во имя высших интересов народов всей планеты, за налаживание взаимовыгодного плодотворного сотрудничества государств на основе принципов мирного сосуществования, за прекращение гонки вооружений и разоружение, за прочный и нерушимый мир. А это касается всех народов. И именно благодаря тому, что, как справедливо подчеркнула болгарская газета «Народна армия», замечательный личный вклад Л. И. Брежнева в создание нового мира — мира взаимопонимания и безопасности, взаимовыгодного сотрудничества и социального прогресса, сосуществования государств с различным общественным строем — является общепризнанным фактом, его анализ нынешнего состояния международных отношений и внешней политики Советского государства вызвал столь пристальное внимание и всеобщий интерес.

«Советский Союз никому не угрожал и не угрожает и готов в любой момент к сокращению вооруженных сил на взаимной основе». Эти слова Леонида Ильича Брежнева обошли первые полосы газет мира. Все планы внутреннего развития Советского Союза строятся в расчете на обеспечение мирных внешних условий. Поэтому естественно, что наша страна кровно заинтересована в ослаблении международной напряженности. Но ведь разрядка — это путь от конфронтации к сотрудничеству, от угроз и бряцания оружием к решению спорных вопросов путем переговоров и в целом — перестройка международных отношений на здоровых началах мирного сосуществования, взаимного уважения и взаимной выгоды.

Разве это чем-нибудь грозит хоть одному народу? Нет, нет и еще раз нет! Совершенно очевидно, что разрядка необходима всем странам, участвующим в нормальном межгосударственном общении, она идет на пользу всем народам.

Гонка вооружений — смертельный враг разрядки. Упрочение разрядки и превращение ее в необратимый процесс — единственная разумная альтернатива курсу на опасную военную конфронтацию. Именно за разрядку голосуют народы. Последний пример этому — результаты выборов в западногерманский бундестаг.

Партиям правительственной коалиции — социал-демократической и свободной демократической — пришлось выдержать трудную битву перед лицом наступления оппозиции, которая не стеснялась в выборе средств давления и политической демагогии во имя привлечения на свою сторону избирателя. Последствия экономического спада, рост инфляции, увеличение числа безработных, неспособность правящих партий провести обещанные народу реформы — все это сказалось на настроениях, и ХДС/ХСС удалось увеличить свое представительство в парламенте Федеративной Республики, доведя число своих депутатских мандатов до 244. Но оппозиционный блок не достиг главной цели — не смог свалить «правительства восточной политики». СДПГ и СвДП сохранили в бундестаге 252 места и намерены оставаться у власти, сохраняя, как и в предыдущие годы, коалицию.

Всеобщее мнение таково: хотя в ходе нынешних выборов тема «восточной политики» не стояла столь остро, как в 1972-м (СДПГ вместе с СвДП одержали тогда убедительную победу), внешнеполитические соображения были в числе решающих факторов, позволивших остановить наступление ХДС/ХСС, которую называют партией «холодной войны». Лозунг «Выбирайте мир!», под которым проходила завершающая стадия предвыборной борьбы социал-демократов, сыграл большую положительную роль. Выдвигая его, СДПГ призвала широкие слои народа поддержать курс на разрядку, на развитие взаимовыгодного сотрудничества с Востоком и прежде всего с Советским Союзом — курс, которому коалиционное правительство следовало все эти годы.

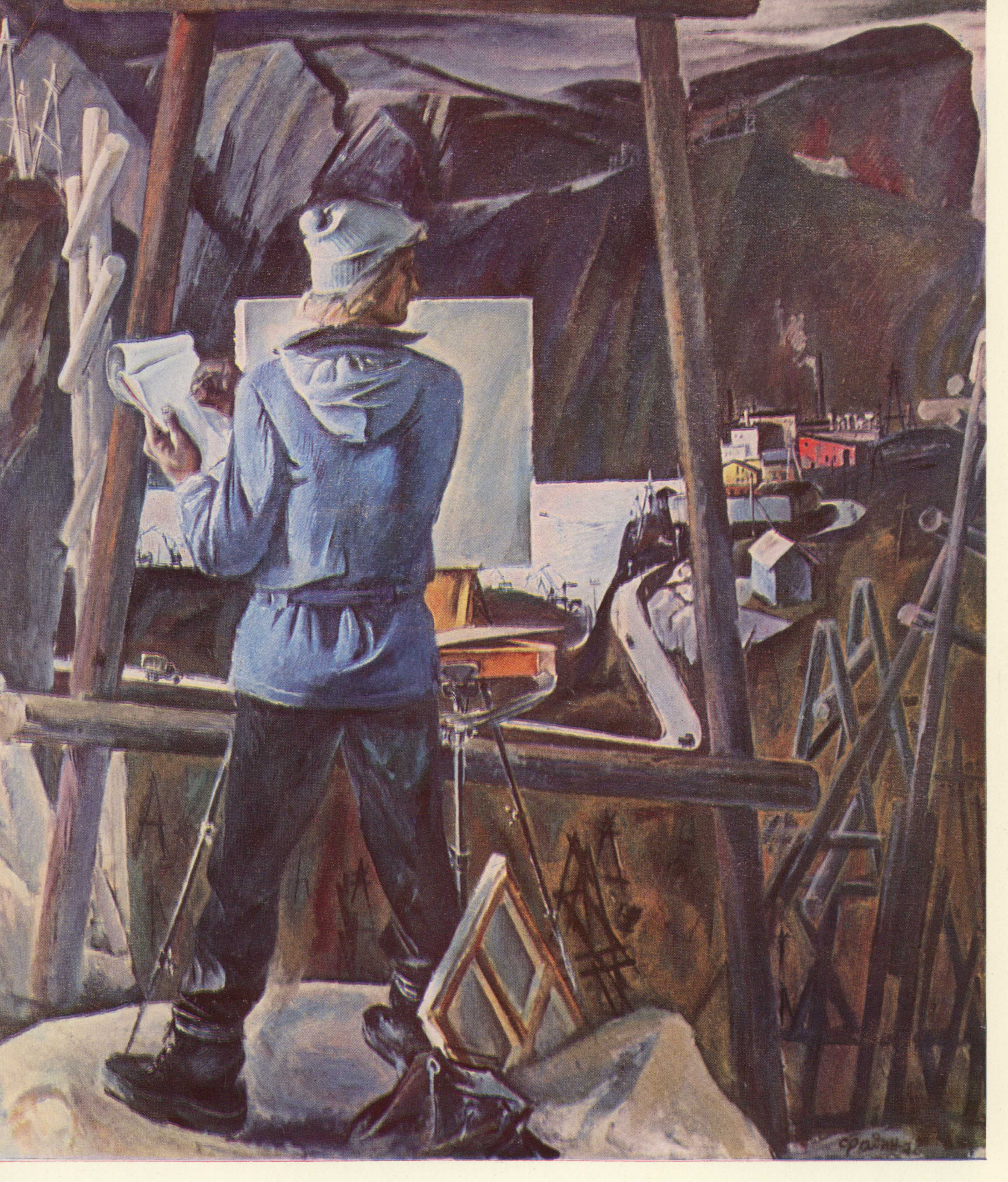
Объявление о предстоящем визите в ФРГ Леонида Ильича Брежнева имело широкий положительный резонанс. Давая возможность провести переговоры о дальнейшем расширении и углублении связей между ФРГ и СССР, а также упрочении разрядки на европейском континенте, в том числе — в военной области, визит служит конкретным свидетельством действенности политики мира.

Накануне выборов канцлер Г. Шмидт, приветствуя предстоящий визит Л. И. Брежнева, на общедоступном примере пояснил значение для ФРГ экономического сотрудничества с Советским Союзом, подчеркнув, что 6 тысяч фирм и 400 тысяч рабочих Западной Германии живут за счет торговли с Востоком. А это лишь одна из сфер взаимодействия. И характерно, что, объявляя о победе коалиции на выборах, федеральный канцлер вновь говорил о важности визита Генерального секретаря ЦК КПСС, который ознаменует очередной этап в деле улучшения отношений между ФРГ и Советским Союзом, базирующихся на московском договоре 1970 года, и станет новым вкладом в дело разрядки.

Я. Крыжевский. Род. 1948. НОВЫЙ ДЕНЬ. 1976.

III республиканская художественная выставка «Молодость России».

Г. Фадин. Род. 1941. В ЗАПОЛЯРЬЕ. ТВОРЧЕСТВО. 1975.

III республиканская художественная выставка «Молодость России».

Андрей ЗЕЛЕНЦОВ

РОБОТ В ОКЕАНЕ

«Манта» готова к спуску. Фото автора.

Я стою на берегу бухты и смотрю на прозрачно-голубую воду, на которой играют солнечные блики. Они немного слепят, и поэтому трудно рассмотреть дно, скрытое тонким слоем воды. Здесь, в Южном отделении Института океанологии АН СССР, под Геленджиком, в бухте Голубой, идут испытания новых подводных роботов.

Дно моря... На протяжении тысячелетий люди пытались увидеть его, придумывая для этого специальные маски, костюмы, аппараты, но всего лишь несколько десятков лет назад началось изучение океана, которое можно считать научным. На смену бочке, в которой Александр Македонский пробовал опускаться под воду, пришли специальные глубоководные аппараты — миниатюрные подводные лодки, в которых люди могут вести исследования на глубине. Такой аппарат создан и в Институте океанологии и получил название «Аргус», что значит «многоглазый». Скоро ему предстоит отправиться в первую экспедицию. В дополнение к обитаемым аппаратам во многих странах мира создаются подводные роботы. Один из них — его зовут «Манта» — сейчас погружается и маневрирует под водой невдалеке от пирса, демонстрируя ученым свои способности. Участники конференции по подводным роботам, собравшиеся в Южном отделении Института океанологии, с интересом следят за маневрами «Манты»: ведь она первый в нашей стране подводный робот, призванный на большой глубине выполнять некоторые функции человека — проводить съемку поверхности дна, собирать образцы грунта, брать пробу воды. Скоро будет создана ее родная сестра «Манта-6», которая сможет работать на значительных глубинах.

Два серебристых цилиндра заключают в себе миниатюрную ЭВМ — «мозг» подводного робота — и многочисленные приборы управления и информации, которые должны обеспечивать связь человека с роботом. Между цилиндрами на связующей раме установлены телекамера и манипулятор с трехлепестковым захватом. Если ЭВМ — это мозг робота, то манипулятор — его рука, которой он может отправлять в бункер образцы породы. Тут же размещены локатор бокового обзора, фото- и киноаппаратура.

...Оператор за пультом управления щелкает тумблером «Погружение». Секунда-другая, и серебристая тень исчезает в глубине.

Кстати, вот маленькая техническая проблема. Когда подводный аппарат маневрирует над дном, винты взмучивают ил, и изображение, передаваемое телекамерой на борт судна, заставляет операторов чертыхаться. Проектируя «Манту», ученые решили снабдить ее двумя горизонтальными винтами и двумя вертикальными. Так как у «Манты» небольшая положительная плавучесть, то вертикальные винты как бы прижимают ее к грунту, при этом струя воды от винтов уходит вверх, не взмучивает ил и не портит изображения на телеэкране. У манипулятора трехлопастный схват с резиновыми тактильными элементами. Внутри каждого — индукционный датчик, который при соприкосновении с любым предметом моментально информирует ЭВМ о контакте.

Инженер Л. М. Нестеренко объясняет мне, как действует робот.

— Он работает в режиме автоматического поиска, сам, без участия оператора, ощупывает грунт и берет все, что лежит на нем,— говорит Л. М. Нестеренко. — Второй режим — работа с указанием цели. Представьте себе, что вы оператор и находитесь на судне, а «Манта» скользит в глубине над грунтом. Все, что попадает в поле зрения ее телекамеры, вы видите на экране телевизора. И вот вас заинтересовал какой-то объект. Тогда вы наводите специальное перекрестие на этот предмет, то есть задаете его координаты. Электронная вычислительная машина, получив ваш приказ, выбирает траекторию движения, скорость, последовательность работы различных приводов. Схват манипулятора подходит к нужному предмету, ощупывает его с помощью тактильных датчиков и переносит в бункер.

Я представляю себе «Манту», возвращающуюся к научно-исследовательскому судну с полным бункером образцов, взятых на большой глубине. Как много могут рассказать исследователю, занимающемуся, допустим, строением морского дна, эти небольшие кусочки породы!

Строение дна... Сейчас карты, составленные в начале нашего столетия, могут вызвать только улыбку — столь наивно показывают они рельеф океанского дна. Оно ровное, так думали исследователи всего семьдесят лет тому назад. А сейчас-то мы знаем, что оно совсем не ровное, а изобилует огромными впадинами, горами и длинными хребтами, которые тянутся на многие сотни километров. В этих районах происходят сложные тектонические процессы, приводящие в движение целые континенты. Причем скорость этого движения не так уж мала — один или несколько сантиметров в год.

А в последнее время получены совсем удивительные данные. Ученые оценивают возраст Земли в три с половиной миллиарда лет, а результаты тщательнейших экспериментов говорят, что океаническому дну примерно 160 миллионов лет. И до сих пор исследователям не удалось найти таких участков, возраст которых был бы сравним с возрастом нашей планеты.

Чтобы пролить свет на геологическое происхождение Мирового океана, его развитие и взаимосвязь с эволюцией всей планеты, нужно тщательно исследовать процессы, происходящие в его глубинах. Для этого и необходимы подводные роботы типа «Манты», манипулятор которой сейчас старательно складывает в бункер все, что только ему не подсовывают ученые. Я подхожу к заместителю директора Института океанологии, доктору технических наук В. С. Ястребову, под руководством которого создавалась «Манта».

— Вячеслав Семенович, а для чего роботу развитой искусственный интеллект? Неужели он не может обойтись парой «извилин» и работать под руководством оператора-человека?

— Робот-то может. Мы не можем. Оператор прежде всего должен осмысливать то, что он видит на экране телевизора, а не заниматься управлением робота или его манипулятора. Пусть робот сам соображает, как, с какой скоростью и с какого направления подойти к объекту и взять его. Пусть он сам решает различные технические мелочи.

— «Манта» — это первый и пока единственный подводный робот в нашей стране. Что последует за ней, помимо «Манты-6»?

— Я думаю, что к 1990 году роботы второго поколения будут достаточно совершенны и многочисленны. К этому же времени уже появятся роботы третьего поколения, то есть роботы с достаточно развитым искусственным интеллектом. Они смогут оценивать обстановку, принимать самостоятельные решения и докладывать оператору на борт судна о том, что они делают и что из этого получается.

— Смогут ли роботы третьего поколения самостоятельно формулировать задачу и решать ее?

— Конечно,— отвечает В. С. Ястребов.— Но вы должны учесть одну немаловажную особенность именно подводных роботов: они инструмент, с помощью которого ученый исследует объект или явление. А поэтому роль человека как осмысливающего, анализирующего звена в системе «человек — робот» непременно сохранится. Человек будет обязательно контролировать действия робота и, если понадобится, менять стратегию его поведения.

— Почему аппарат называется «Мантой»?

— Вообще-то манта—скат, обитающий в тропических морях, это рыба, которая существует десятки миллионов лет. Ее можно считать одной из родоначальников рыбьего царства. «Манта», подводный робот с элементами искусственного интеллекта,— родоначальник зарождающегося на наших глазах поколения помощников человека, призванных помочь своему создателю в исследовании океанских глубин.

«Огонек» на БАМе

В. КУЗНЕЦОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

— Могот, я — звеносборка!

Геннадий Напсиков, прораб звеносборочной базы 576-го строительно-монтажного поезда «Бамстройпути», крепко прижимает к уху трубку переносной рации.

— Да, вечером Литвинов начнет погрузку двести девятнадцатого километра. Утром отправлю состав...

Напсиков молодой — и по возрасту и по стажу работы на БАМе. В Тынду Геннадий приехал в начале нынешнего года, но за его плечами строительство железной дороги Хребтовая — Усть-Илимская, потом ее электрификация. На лацкане орден Трудового Красного Знамени: награда за мастерство, за труд, за километры, пройденные от Железногорска до Усть-Илимской.

— Сейчас шьем двести двадцать второй,— продолжает разговор с невидимым собеседником Геннадий.

Еще несколько секунд, трубка положена, гаснет красный огонек рации.

— Ну что, пошли на сборку?— Это уже ко мне.

Шагаем по обкатанным путям станции Тында. Повсюду лежат шпалы, рельсы, подкладки, костыли. Дальше по ходу убегающего на восток главного пути штабелями уложены звенья железной дороги — продукция бригады Ивана Григорьевича Мосьпана. Это «готовые» километры линии Бам — Тында — Беркакит. Где-то здесь и «двести девятнадцатый», о котором только что говорил Напсиков. А вот это, по всей вероятности, «двести двадцать второй», мысленно отмечаю я, глядя, как могучего сложения юноша вгоняет костыли в шпалы. Потом я пробовал так же, как Саша Пушечников, сплеча бить по костылю. Из десяти ударов ни один не пришелся по головке костыля. «Пришить» рельс к шпале оказалось не таким уж простым делом. В общем-то на звеносборке костыльными молотками пользуются в исключительных случаях — во время керновки шпал. Звенья шьются электрическими. При работе с ними особой силы и ловкости не требуется. Автоматика!

В бригаде Мосьпана, которая сейчас собирает звенья, свой, выверенный, четко отлаженный ритм. Одни раскладывают шпалы — точно в полуметре друг от друга, другие буравят их дрелями. Оказывается, если костыль забит в шпалу как гвоздь, усилие на то, чтобы выдернуть его, составляет двести килограммов, а когда костыль вогнан в заранее просверленное отверстие, усилие возрастает до пятисот. По проекту линия Тында — Беркакит строится под тяжеловесные составы, а посему тут применяют метод сверления.

Почти по сантиметрам здесь вымеряется вся строящаяся дорога, учитываются повороты, подъемы, спуски, готовятся стрелки. Отсюда километр за километром железная дорога отправляется на место укладки.

Вечером того же дня я наблюдал за погрузкой звеньев. Михаил Литвинов со своей бригадой размещал их по платформам так, чтобы на укладку они подходили точно, звено к звену.

Так, на участке, именуемом звеносборкой, метр за метром рождается дорога Тында — Беркакит...

Погрузка звеньев.

Метр за метром...

ЗВЕНУ

Геннадий Напсиков — прораб.

Бригадир Михаил Литвинов [в центре].

Сцена из спектакля «Коньки».
Фото В. Петрусовой

премьера

О ШКОЛЕ, ЧЕСТНОСТИ, СТИХАХ И ДРУЖБЕ...

Спектакль «Коньки» по пьесе Сергея Михалкова был поставлен Центральным детским театром в 1939 году, а теперь, почти через сорок лет, снова премьера. В историю про ученика шестого класса Васю Петрова вложена мудрая мысль верящего в детство писателя. Мысль, что для счастья нужна чистая совесть, а не блестящие коньки. Нужны друзья, подлинная дружба, а не назойливое «участие».

Спектакль весел и серьезен, как может быть веселым и серьезным маленький человек. Время минувшее и время нынешнее, тридцатые и семидесятые годы переплелись в этом ярком, праздничном зрелище (постановка Леонида Эйдлина).

Гимнастические пирамиды, которые были так популярны в 30-е годы, и современные танцы, веселые музыкальные интермедии (композиторы Сергей Никитин и Виктор Берковский) — все это не только развлекает маленького зрителя, но делает его полноправным участником спектакля... Театр не «объясняет» им, ироничным нынешним детям, что такое честность и доброта, радость и счастье. Поучать бесполезно: станет скучно, да театр и не дает рецептов на все случаи жизни. Он просто заставляет своего зрителя задуматься.

А зритель и впрямь сидит серьезный и притихший, когда наш злополучный Вася не понимает своих ошибок. И радуется, когда все хорошо кончается, как и должно быть в этом прекрасном возрасте.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ДЖУЛИ ОТРЕ

ГЛАВА 12

Когда Джули в конце концов судили и мне пришлось вспоминать тот воскресный день, оказалось, воспоминания ничего хорошего не принесли, и, хотя наполовину в случившемся был виноват я, немалая вина, несомненно, лежит на Билли. А быть может, виновата и миссис Кристо. Или Норма Толмедж. Но тогда мы едва ли могли предвидеть последствия. Мы лишь видели, что час от часу все шло хуже и хуже. Просто такой уж выдался тяжелый день.

Мы с Бетт встретились на улице неподалеку от дома Джули. Было ровно три; Бетт пришла одетая по-праздничному, словно собралась в церковь. Еще и сегодня наш городок, каким он бывал по воскресным дням — летняя тишь, песчаные дорожки под застывшими в безветрии деревьями,— неотделим в моих воспоминаниях от милых, добропорядочных, цветущих девушек в свежевыглаженных летних платьях, в начищенных до блеска черных туфельках, в белых перчатках, в шляпках, с сумочками в руках. То был их день, и в воскресенье они были такой же достопримечательностью города, как белые частоколы и гладкие, точно зеленые озера, лужайки для игры в кегли. У семьи Морни — единственных наших квакеров — своей церкви в городе не было, но все равно по воскресеньям Бетт наряжалась, как и остальные девушки, и такая она была безукоризненная, чистая, такое воплощение непорочности, что очутишься рядом с ней — и поневоле чувствуешь: надо быть достойным всех добродетелей, в существовании которых убеждаешься, на нее глядя. Мне-то никогда это не удавалось, и если мы, почти никто, не теряли из-за нее головы, спасало, думаю, одно: сама Бетт была уж такая умница-разумница, что странно было бы терять из-за нее голову.

— Мне не хотелось ждать у самых ворот,— сказала Бетт,— туда сейчас заходили разные люди. Вот только что туда пошел этот их проповедник Хоумз.

— Да ну! Неужели он сейчас там?

— Наверно, они собрались петь гимны или молиться,— сказала Бетт.

Я охнул,— а вдруг миссис Кристо все это нарочно подстроила для нас с Бетт? Или это дело рук Хоумза? Но нет, ведь миссис Кристо не знала, что я приведу с собой Бетт. Я ей ничего такого не говорил.

— Для Джули это будет сущее мучение,— сказал я.— Но все равно, пошли.

Я толкнул калитку и зашагал по пустынной дорожке к черному ходу.

— Пока еще не поют,— пробормотал я.

— Шш-ш.

Миссис Кристо отворила дверь и, увидев Бетт, отчаянно смутилась и обрадовалась.

— Ах, милочка, милочка моя! А я и не ждала вас. Ах, господи...

— Добрый день, миссис Кристо,— сказала Бетт.— Кит позвал меня навестить Джули, я надеюсь, вы не против.

Надо было мне предостеречь Бетт заранее, но я поздно спохватился. Миссис Кристо уже заключила ее в свои пышные и нежные объятия.

— У вас молитвенное собрание, миссис Кристо? — спросил я, чтоб поскорей оторвать ее от Бетт.

— Нет, просто здесь доктор Хоумз,— шепотом ответила миссис Кристо.— Он пришел навестить Джули.

— Тогда, может, нам зайти попозже?

— Да что ты, Кит! Джули тебя заждался.

Зная Джули, я чувствовал: сейчас надо уйти и вернуться, когда доктора Хоумза здесь не будет, но миссис Кристо да и мы с Бетт уж слишком смутились, и на этом я попался. Следом за ними обеими я прошел в кухню, ожидая увидеть за столом всех пансионеров и самого Хоумза. Но там никого не оказалось, хотя по всему было видно, миссис Кристо готовила чай и собиралась подавать на стол. Чашки и блюдца стояли наготове, на плите кипел чайник, вкусно пахло то ли пшеничными лепешками, то ли свежеиспеченным хлебом, то ли оладьями.

— Все во дворе,— сказала миссис Кристо.— Доктор Хоумз им читает.— Она вдруг остановилась и обернулась к нам.— Пожалуйста, не говорите Джули, что я вам писала,— задыхаясь, прошептала она Бетт.— Пожалуйста, ничего ему не говорите, хорошо?

Бетт вспыхнула. Через минуту, увидев ее, так же вспыхнул Джули, и я чуть не расхохотался.

— Вот и твои друзья, Джули,— радостно возвестила миссис Кристо.— Настоящие друзья. Теперь тебе можно и сесть.

Джули еще глубже зарылся в постель.

— Пожалуйста, сядь, Джули,— взмолилась мать.— Пожалуйста, Джули.

Джули помотал головой.

— Тогда я принесу для Бетт стул,— сказала миссис Кристо.

Бетт положила на комод коробочку конфет или орехов. А я положил туда же штук пять исписанных тетрадей и сказал Джули — если надо, принесу еще.

— А для чего они тебе? — спросила Бетт.

Мы с ней уже переглянулись, и я понимал: она потрясена видом Джули, хоть и старается этого не показать.

— Просто так, мараю бумагу,— ответил Джули, пока я не успел проговориться.

— Это что-нибудь школьное?

— Да ерунда,— сказал Джули и, прежде чем мы успели вставить слово, спросил меня, нашел ли я Скребка.

— Нашел за домом Смита, земельного агента,— сказал я,— он лежал под старым трактором и жевал кроличьи шкуры, видно, стащил их из сарая.

Я давал Бетт время получше разглядеть Джули,— обычно она смотрела на людей прямо и откровенно. А на этот раз мне казалось, Бетт сейчас наклонится и пригладит ему волосы или просто дотронется до него. Ей хотелось этого, по-моему, просто до смерти хотелось — в жизни не видел, чтобы в ней так чувствовалась женщина. Но Джули — это Джули, и Бетт держалась на расстоянии.

— В субботу Скребок приходил к нашему дому,— сказала она.— Отец говорит, он уже давно подкармливает его обрезками печенки. А я вынесла ему на старом подносе мясной фарш, и он сразу зарычал и огрызнулся, он со мной всегда так.

— Он со всеми так,— сказал Джули.

— Нет, не со всеми, Джули. Только со мной, и я хотела бы понять, почему. Чего я только не делала, чтоб с ним подружиться, а он все равно рычит. Наверно, никак не забудет тот ужасный день, то гулянье.

— Он тебя не тронет,— сказал Джули.

— Не тронет, я знаю. Но он мне не доверяет. Вроде Кита,— сказала Бетт.

Я очень обрадовался, что наша замечательная Бетт меня поддразнивает, хотя бы потому, что это разрядило атмосферу. Бетт явно решила разморозить Джули, и получалось это у нее очень толково. Нам было совсем уже полегчало, но тут вошла миссис Кристо со стулом для Бетт. Ее приход нас опять сковал, и все же когда Джули, наконец, выпростал руки из-под одеяла, я понял: Бетт своего добьется.

— Я хотел тебя спросить,— сказал ей Джули, когда мать ушла.

— Надеюсь, не насчет музыки? Я в ней не разбираюсь.

— Музыка ни при чем. В Бендиго трамваи есть?

— Конечно,— сказала Бетт.— Они идут по Смит-стрит и потом вверх, на гору.

— И ты когда-нибудь в них ездила?

— Каждый день езжу. А что?

— А какой у них шум?

— Не знаю, как тебе сказать, Джули, я никогда особенно не прислушивалась. Они подвывают, и звону от них много, а на поворотах ужасно визжат.

— Это железные колеса по железным рельсам,— сказал мне Джули. (Он что ж, думал, я знаю толк в технике? Или это он мне объяснял?).

— Да ну!

— Чтоб не было шуму, надо бы смазывать рельсы, а нельзя: колеса будут скользить. Тут никто ничего не может придумать.

— Что это ты вдруг стал таким специалистом по трамваям? — спросил я.

Никогда прежде я не замечал, чтоб Джули интересовался какой-нибудь техникой. И почему именно трамваями? У двух жителей нашего городка было по аэроплану, но такой диковины, как трамвай, не водилось.

— Я про них читал.

Из-под подушки у него торчала книга. Я ее вытащил. То был мятый, драный экземпляр «Календаря школьника» за 1924 год.

— Господи, Джули, неужели у тебя нет ничего интереснее почитать?

— А это очень интересно,— сказал он.

— Откуда он у тебя?

— Неважно.

Это значило, что календарь принесла мать, или мисс Майл, или мистер Мейкпис, в общем кто-то, кого он даже называть не желал.

Бетт взяла у меня книжку.

— А знаете, эти старые календари очень забавные,— сказала она.— В них бывает

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—41.

много занятного. Вот я когда-то прочла в «Календаре школьницы», что если ты что-нибудь забыл в чужой комнате или в чужом доме, значит, тебе оттуда не хотелось уходить. Значит, на самом деле тебе хотелось там остаться. И это очень верно.

— А почем ты знаешь, что это верно? — спросил я.

— Уверена,— твердо сказала Бетт.— Я всегда так увлекалась математикой, так ее любила, терпеть не могла, когда урок кончался. И, наверно, поэтому всегда что-нибудь забывала в классе. Просто мне не хотелось оттуда уходить.

Джули чуть приподнялся на постели.

— Что толку учить математику в школе,— сказал он.

Бетт всплеснула своими прелестными ручками.

— Нет, вы его только послушайте!

— В школе учат только результатам, а причинам не учат,— сказал Джули.

— Каким причинам? О чем ты?

Но как мог Джули объяснить сложную простоту своей мысли?

— В школе математике учат только по восходящей и по нисходящей. Никогда не объясняют в стороны и поперек...

Хотел бы я знать, что означало стремление Джули понять музыку и математику «поперек». Наверно, он имел в виду объемность, которая ускользала почти от всех нас, даже от Бетт, а ему была внятна.

— Если б ты захотел учить предмет так, как его преподают, Джули, ты был бы у нас первый по математике на всю школу.

— А что толку?

— Но не во всем же надо искать толк,— возразила Бетт.— Успех не всегда зависит от наших рассуждений.

— Я в этом ничего не понимаю,— сказал Джули,— но если...

Джули собрался развить какую-то мысль, но тут увидел мою любопытную рожу. Ведь я наконец-то очутился при том, как они разговаривают друг с другом, и весь обратился в слух. Прочитав это у меня на лице, Джули тотчас оборвал себя, и тут из кухни донесся голос Хоумза.

— Братья и сестры,— вещал он,— в доброй чашке чаю нет ничего дурного или греховного, не так ли?

Послышался детский радостный смех пансионеров, а Джули снова спрятал руки под одеяло и глубже зарылся в постель. Мы сидели молча, тихо, а рядом, в кухне, разливали чай, брали пшеничные лепешки, забавы ради слегка хлопали друг друга по рукам. И наконец запели.

— Начинается! — шепнул я Бетт.

Некоторые их евангелические гимны были образцами вдохновенного запугивания — нигде не укрыться от дьявола, говорилось в них. Мы сидели и слушали, и я думал: какова бы ни была музыка, которой Джули заполнял старые тетради, она, уж конечно, не могла не быть сокрушительно разрушительной. Но нет, все-таки от природы он истый математик и вряд ли получал бы удовольствие от «хаоса звуков», как называл эту музыку мой отец. В ту пору я не понимал строгой логики двенадцатиладовой системы, но все равно система восьмиладовая куда больше подходила тому, кто создавал музыку, как Джули.

Он тихо лежал в постели, полуприкрыв лицо рукой, окруженный половодьем песнопений. И словно все больше терялся среди подушек, простынь, одеял. Он знал, что его сейчас ждет.

— Наш брат Джули нуждается в толике радости,— прогудел доктор Хоумз.— Согласны вы со мной?

И мне отчаянно захотелось убраться подальше до того, как сюда явится радость.

Но Хоумз уже стоял на пороге.

— Сын мой! — воззвал он, и я ощутил, как этот всепроникающий, неотвратимый голос врубился в сокрушенную плоть Джули.— Сядь, сын мой, и мы примемся изгонять рогатое зло, что прочно в тебе засело. Мы выдворим его. Мы найдем, где оно затаилось. Мы зальем его горячим свинцом и кипящим маслом. Мы не дадим ему ни отдыха, ни срока. Сядь, сын мой, и мы сразимся с ним лицом к лицу.

Я думал, Джули совсем скроется под своими одеялами. Но, к моему удивлению, он поднялся и сел — белый как полотно, скелет скелетом, глаза прикованы к Хоумзу, будто никого больше здесь нет. Остальные жильцы сгрудились у дверей, но порога комнаты не переступали. Только миссис Кристо стояла тут же, за спиной Хоумза, какая-то жалкая, измятая — воплощение униженной мольбы. Должно быть, мольба обращена была к Джули — мать молила его подчиниться доктору Хоумзу. Только этим и можно было объяснить поведение Джули.

— Вы с нами, сестра Бетт? Вы с нами, брат Кит? — вопрошал Хоумз.

Я в жизни не разговаривал с Хоумзом, и он никогда не видел меня так близко. А Бетт, наверно, и вовсе не видел. Но голос его звучал по-свойски, и всей повадкой он сулил узнать нас ближе, если только мы не станем замыкаться и впустим его.

— Не замыкайся, сын мой,— обратился он к Джули,— не замыкай сердце свое, впусти в него радость, она ждет.

И тут я ощутил, как Джули разом захлопнул все двери, закрыл все подходы к своему сердцу.

— Я почитаю из Евангелия от Марка, ибо апостол Марк исцелял страждущих и ведал числа. Искуснее всех прочих учеников христовых он боролся с демонами и изгонял их. В главе первой в стихе тридцать втором и тридцать четвертом Марк рассказывает о чудесных исцелениях в Капернауме. Марк прекрасно знает, что тело грешит,

ШЕННЫЙ

когда недужна душа, и он знает, что Иисус преследовал грех, подобно ищейке, ибо грех — это тоже недуг души. Это страдания одержимого бесом...

— Аминь...— произнес кто-то в кухне.

— Да, быть по сему, аминь...— сказал Хоумз.

У миссис Кристо вырвался негромкий стон.

— Приготовились? — обратился Хоумз к нам троим, словно мы — бегуны на старте, а он сейчас выстрелит, давая сигнал бежать по дорожке.

Джули уже заперся в своей железной клетке. Но Бетт ответила:

— Да, доктор Хоумз.

— Ну, да,— пробормотал и я, ибо одним своим видом Хоумз уже загипнотизировал и напугал меня: мне казалось, прах пустыни въелся в его одежду, в кожу, в волосы, в голос, в глаза. Энергичное лицо его и седые волосы были иссушены ветром и солнцем, библия у него в руках — и та будто выгорела. По всему, кроме его мощного внушительного голоса, видно было — он прошел через пустыню; однако башмаки мягкой черной кожи начищены были до блеска, тщательно зашнурованы, ничуть не сношены и не сбиты, ни признака долгих странствий.

— Итак,— провозгласил он, грозно взмахивая руками и сжимая кулаки,— я буду говорить с вами словами апостола Марка, у него двести стихов, в коих он описал многие чудеса и чудесные случаи. Сейчас я прочитаю вам стих тридцать второй и тридцать четвертый.

Он с силой хлопнул ладонью по библии — это означало, что все мы должны обратиться в слух, звук был такой, словно мучительно переломилась о колено человеческая кость.

— В вечернюю пору,— загремел он, и читал он вовсе не по библии, а по неким суфлерским листам, что раскинулись далеко-далеко, по ту сторону реки, дерев и полей и фруктовых садов нашего городишка,— в час, когда зашло солнце, к Нему принесли всех недужных и всех одержимых бесом... И Он исцелил многих от разных недугов и многих бесов изгнал, и бесы не смели говорить, ибо знали Его.

Хоумз опять хлопнул ладонью по библии, и мы все подскочили.

— Демоны, демоны, демоны! — вопил он.— Демоны...

Я смотрел на Джули. Он не сводил глаз с лица Хоумза, и сперва мне показалось, он испуган, но потом я прочел в темных горящих глазах его не страх, а что-то совсем иное.

— Аллилуйя! — эхом отозвалась из кухни миссис Майл.

Хоумз поднял над головой руку с библией, высоченный, он едва не касался потолка.

— Я здесь! — воскликнул он.— Я с тобой. Я распят был со Христом.

— Со Христом...— подхватил Хеймейкер.

— И уже не я живу, но живет во мне Христос...— Хоумз яростно потряс книгой, потом небрежно произнес:— Послание к галатам, глава вторая, стих двадцатый.

— Аминь,— прошептала миссис Кристо.

— Пока хватит,— чуть даже шутливо сказал Хоумз.— Завтра мы нагоним страху на непослушных бесенят, которые еще прячутся в твоем несчастном страждущем теле. Но вот что я тебе скажу, брат. Вот что я тебе скажу...— Он протянул к Джули руку, я думал, он сейчас до него дотронется. Джули, видно, тоже так подумал — он весь сжался.— Ты должен сам выкорчевать свою болезнь, сын мой. Ты должен сам ее выкорчевать...

Теперь он обращался уже не к небесам и не в пространство, но прямо к Джули, а тот все глубже и глубже погружался в могилу из одеял.

— Искорени недуг свой, брат! — рокотал Хоумз.— Сумей устоять против накрашенных губ и нарумяненных щек. Держись подальше от шелестящих шелков, покачивающихся бедер, от грохочущего на окраинах сатанинского джаза. Они ужасны! Чудовищны! Отшвырни зло, как псов, что хватают тебя за ноги! — гремел он. — И когда захочешь помочь себе, когда понадоблюсь я тебе, скажи мне только: Христос жив, он здесь, он обитает в твоей плоти, брат. Только скажи так, Джули, и все мы придем к тебе, и ты в неделю поднимешься с одра болезни, и исцелишься, и на веки вечные избавишься от греха.

Миссис Кристо прислонилась к дверям, она еле держалась на ногах, будто каждым своим словом Хоумз толкал ее пасть на пол и корчиться беспомощно в восторженном исступлении.

Но Джули лежал молча, лицом к стене.

— Что ж, хорошо. Хорошо,— поспешно сказал Хоумз с противным смешком.— Выпьем еще чашку чаю, а потом как следует ополчимся на этого гордеца, который срывает покровы с любострастия и греха: «Где стены средь дворца»...

С минуту мы трое еще оставались прикованными к месту и душой и телом. Но по щекам Джули текли слезы — такие слезы проливает разбитая и осажденная армия, окруженная превосходящими силами противника, когда ей только и остается, что держаться, ждать, дышать... дотерпеть до горького конца.

— Если ты собираешься сесть, накинь на себя что-нибудь,— сказала Бетт, когда Хоумз вышел.

Я готов был обнять Бетт за то, что она подала сейчас Джули такой дельный совет.

— Мне надо встать,— сказал Джули.

— Зачем?

— Мне надо выйти.

Наверно, он хотел пойти в уборную, а она была во дворе, за поленницей. Бетт, видно, тоже это поняла, и когда он стал выпрастывать ноги из-под одеяла, я думал, она скромно отвернется. Но наша простодушная Бетт и вела себя простодушно, а когда Джули встал с постели, оказалось, он в ночной рубашке, которая доходила ему до середины икр.

— Вот надень-ка,— сказала Бетт и накинула ему на плечи скаутскую рубашку.

— На что она мне!

— А тапочки у тебя есть?

Джули покачал головой.

— Тогда башмаки надень,— сказала Бетт.

— Ждите меня здесь,— сказал Джули.

Выйти во двор можно было только через кухню, и Джули весь напрягся, стиснул зубы, ясно было: как ни слаб, пойдет сам.

— Сидите и ждите,— повторил он уже от двери, чтоб мы не смели пойти за ним. Когда он проходил через кухню, раздались встревоженные крики миссис Кристо и пансионеров и радостный, ободряющий крик Хоумза. Спора не было, хотя мы слышали — миссис Кристо просила Джули вернуться или позволить ей пойти с ним. Все-таки ему удалось выйти одному, но с веранды мы видели — пошел он не к уборной, а к поленнице и сел на колоду.

— Спятил,— сказал я.

— Они всегда так? — тихонько спросила Бетт.— Этот Хоумз, он всегда так проповедует?

— Наверно. Я раньше никогда при этом не был. Джули не хочет, чтоб кто-то видел, что здесь творится.

Бетт все смотрела на Джули, она и сама была в мучительном замешательстве.

— Мне очень жаль его маму,— сказала она.— Бедная женщина, похоже, она просто не знает, как с ним быть.

— Отчасти Джули сам виноват,— сказал я.

— Почему? Он плохо с ней обращается?

— Нет. Просто не хочет, чтобы кто-нибудь встревал между ним и матерью. Вот никто и не может им помочь.

Мы видели, как Джули, босой, ходит взад-вперед по щепкам — он восстанавливал свою броню. Наверно, ему было больно, но он все ходил и ходил. Потом медленно двинулся по немощеной дорожке к парадному ходу.

— Хорошо, хоть больше никто из наших городских не увидит его вот так, в ночной рубахе,— сказал я.— Даже Джули это бы не сошло с рук.

— По-моему, он об этом и не думает,— огорченно сказала Бетт, и мы стали ждать возвращения Джули.

Вернулся он не скоро, и когда наконец вошел через кухню, с ним была Норма Толмедж: ярко накрашенные губы, высокие каблуки, ни шляпки, ни чулок, облегающее шелковое платье, ввалившиеся щеки (зубов-то не хватает), яркие, коротко стриженные волосы повязаны красной лентой. Где-то на картинке она увидала такую вот девчонку, подделалась под нее и не прогадала.

— Джули не хотел меня впускать,— сказала нам Норма,— а я взяла да и пошла за ним.

— Здравствуй, Норма,— сказала Бетт.

У Нормы вырвался вздох облегчения.

— Вот не думала встретить тебя здесь, Бетт,— сказала она.— Как тебя сюда занесло?

— Я пришла с Китом.

— Что ты придешь, я знала,— сказала мне Норма.— Билли мне говорил. Ну, я и решила сама посмотреть, что с ним такое. Я не знала, что он болел. Господи, вы только поглядите на него! Крепко, видно, тебя прихватило,— сказала она Джули.

Джули с трудом забрался в постель, ничьей помощи он принять не пожелал.

— Сперва я ждала за воротами,— продолжала Норма.— Слышала, как тут поют и молятся, неохота было на все это напороться. Сидела на крыльце, думала — наберусь храбрости и постучу в дверь, а потом вижу, он идет, ну, настоящее привидение.— Она пальцем ткнула в сторону Джули.

Гостей стало трое, а стул один, и Норма уселась на кровать, закинула ногу на ногу,— они были совсем коричневые от загара.

— Господи, до чего ж я рада, что вы оба здесь! — сказала она.— Когда я шла через кухню, они там чуть не подохли от ужаса. Почему ж ты мне не сказал, что болен? — спросила она Джули.— Все думали, они просто тебя запугали. А я так и чувствовала — что-то неладно. Спрашиваю Дормена Уокера, куда ты подевался, а он говорит, наверно, уехал в Ной работать на разборке изюма. Но мне что-то не верилось. Я бы давным-давно пришла к тебе и все разузнала,— говорила она Джули,— да только выхожу раз из нашей калитки, а тут твоя мать, остановила меня и давай просить, чтоб я от тебя отстала. Пожалуйста, мол, оставьте его в покое. Прямо умоляла...

Джули слушал бесстрастно. Похоже, он вновь обрел мужество и опять стал самим собой.

— Она была со мной уж до того мила,— продолжала Норма.— Даже за руку меня взяла, очень все мило.— Норма подпрыгнула на кровати.— А все-таки по ее милости я почувствовала себя прямо какой-то Эстер Прин.

В ту пору я не знал, кто такая Эстер Прин: Готорна я еще тогда не читал. А Норма читала. Пристрастие к книгам, ко всяким книгам — дурным и хорошим — было еще одним грехом, который ей следовало искупить. Говорили, она весь день валяется, задрав ноги, читает романы и уплетает шоколад.

— Ты поосторожней,— спокойно сказал ей Джули; он опять лежал на спине, заложив руки за голову.— Он сейчас сюда заявится.

— Подумаешь,— отозвалась Норма.

— Может, лучше уйдешь? — предложил Джули.

— Вот еще, я ему не поддамся.

— Ты не понимаешь,— сказал Джули.— Тебе будет неприятно.

— Это ты не понимаешь,— возразила Норма.— Бетт, скажи ему, что он должен постоять за себя. Скажи ему ты, Бетт.

— Бетт тут ни при чем,— сказал Джули.

— Ну и пускай. Но уж я-то не собираюсь ему поддаваться.

Годами доктор Хоумз призывал адский огонь и проклятия на головы парней и девчонок, что собирались на танцульках. Однажды он обозвал их зловонными орхидеями на сатанинской навозной куче, и вдруг один из зловреднейших цветов очутился в его владениях.

— Если он придет сюда по мою душу, скажи ему, пускай не лезет не в свое дело,— сказала Норма.

— Это его дело,— возразил Джули.— Как раз этим он и занимается.

Я взглянул на Бетт. Она зорко к ним присматривалась и, хотя нашей прямодушной Бетт ревность была неведома, но она впервые видела, что Джули близок с кем-то еще. В сущности, у его постели собрались сейчас те трое, с кем только и связывали его хоть какие-то узы, кому он хоть отчасти доверял.

— Лучше вам всем уйти,— сказал он, и это прозвучало как предостережение.

— Нет,— сказала Норма.— Ты должен постоять за себя.

Не знаю, как Бетт — ушла бы она, нет ли. Я предпочел бы уйти. Но тут в кухне грянуло:

— Врата небесные открыты...

Пройти через кухню и прервать пение мы не могли — и неловко застыли на своих местах, Норма только гневно сжимала ярко накрашенные губы и оглядывала веранду, не скрывая отвращения ко всему вокруг.

Мне надо бы сразу сообразить, что Хоумз этим пением настраивает себя для духовной атаки. Подготовясь к бою, он появился на пороге, в руках у него были часы.

— Я заметил время, сестра,— обратился он к Норме,— вы пробыли тут уже достаточно долго. Слишком долго для излюбленного господом священного дня отдохновения...

— Убирайтесь к черту,— спокойно отозвалась Норма.

— Ох, пожалуйста, пожалуйста, уйдите,— сказала миссис Кристо; она стояла позади Хоумза и беспокойно мяла на груди свое черное платье.

— Ни за что,— сказала Норма.— Я пришла навестить Джули, и я вас не трогаю и не делаю ничего дурного.

— Вы недостойны священного дня отдохновения,— провозгласил Хоумз.— В наряде вашем гордыня. И пришли вы сюда для недостойных забав...

— Я пришла навестить Джули.— сказала Норма,— и вы тут ни при чем.

— Ох, пожалуйста! — взмолилась миссис Кристо.

— Почему вы ему позволяете вами командовать? — сказала ей Норма.— Вы же мать. Почему вы не защищаете Джули от таких вот людей?

— Молчать! — прогремел Хоумз.— Довольно, настал конец нашему терпению и снисходительности. Весь город знает тебя, ничтожная и неразумная девица, ты ввергаешь других, вот и его, в порочный круг танцев и пьянства.

— Джули не танцует и не пьет! — закричала Норма.— И даже если б захотел, я бы этого не допустила!

— Молчать! — снова прогремел Хоумз, устремив взгляд в пространство.— Я хорошо знаю, что вы творите. Пьете спиртное в темных углах, курите в танцевальных залах и, подобно скотам, спариваетесь под открытым небом. Не вам судить других, допускать что-либо или не допускать.

Норма встала, вытянулась во весь рост на своих каблуках, лицо ее пылало. В конце концов Норма ведь не Сэди Томпсон. Она, конечно, непутевая, но непутевая из семьи с достатком, с положением в обществе, у нее своя машина, и не какая-нибудь, а «крайслер», и она не только смотрела на этого бродячего евангелиста свысока, но и в делах веры (сама она, естественно, принадлежала к англиканской церкви) считала его просто-напросто шарлатаном.

— Господи! — воскликнула она.— До чего вы гнусная, поганая душонка! Да я совращу сколько угодно наших здешних болванов просто вам назло.

— Нечестивыми речами тебе меня не задеть! Для твоих оскорблений я недосягаем! — закричал Хоумз.— Прощаю тебе твои слова, ты еще можешь искупить свои грехи, если попросишь прощения у Христа и прильнешь ко груди его, горящей любовью.

— Да я скорей помру,— сквозь оставшиеся зубы процедила Норма.

— Вон! — прогремел Хоумз.— Вон отсюда!

— Ну, нет. Вы не имеете права меня выгонять. Это не ваш дом.

— Сестра...— воззвал Хоумз к миссис Кристо.

— Пожалуйста, Норма! Пожалуйста, уйдите. Умоляю вас. Лучше уйдите.

— Чего ради? Чтобы угодить ему? Не удивительно, что Джули болен. Не удивительно, что весь город потешается над беднягой Джули. Не удивительно, что он терпеть вас не может! — яростно крикнула Норма в лицо миссис Кристо.

— Не надо! Пожалуйста, не надо! — твердила та.

Но Норма уже вышла из себя, и ей теперь было все равно, кого она хлещет и что говорит.

— И не вздумайте хныкать! — кричала она на миссис Кристо.— В этом вашем жутком доме, вашей идиотской, дурацкой кухонной, банной верой вы загубили его жизнь...

В дверь заглядывали перепуганные жильцы. Они теснились позади миссис Кристо и смотрели и слушали, точно оробевшие дети.

— Да уходите вы!..— закричала на них Норма.

Их как ветром сдуло.

— Сестра,— обратился Хоумз к миссис Кристо.— Принесите мне ведро воды...

— Вы не посмеете,— сказала Норма.

— Ох, нет! Пожалуйста...—взмолилась миссис Кристо.

— Беру вас в свидетели, сестра Бетт. И вас, брат Кит. Вы его друзья. Вы будете свидетелями того, что я сделаю...

Я посмотрел на Джули, последние минуты я совсем было про него забыл. Может быть, он хоть теперь воспротивится? Но он смотрел на все отчужденным взглядом, словно сквозь стеклянную стену. Если он кого-то и видел, так мать, она была сейчас воплощением беспомощной мольбы. Я всегда терпеть не мог вмешиваться не в свое дело, но теперь совесть у меня была нечиста: надо бы хоть словом вступиться за Норму. Однако меня опередила Бетт.

— Не буду я никаким свидетелем, доктор Хоумз,— сказала она.— Извините, миссис Кристо, но это невозможно, чтобы он окатил Норму водой. И так с ней говорить ему тоже не следовало. Это не по-христиански. А ты, Джули, ты не должен был ему позволять...

— Ушли бы вы все,— сказал Джули.

— А, да что толку...— сказала Норма, она еле сдерживала слезы, но все равно храбро выпрямилась, вызывающе расправила плечи.— Ну как ты можешь тут жить?— бросила она Джули.

— Если ты уходишь, я с тобой,— сказала Бетт.

— Тогда пошли,— сказала Норма.

— Не уходите, пожалуйста,— миссис Кристо ухватила Бетт за руку.— Мы совсем не хотели вас обижать.

— Как вам не стыдно,— сказала ей Норма.— А ты...— повернулась она к Джули.— Поговорим, когда выздоровеешь, если ты вообще сможешь выздороветь в этом гнусном доме.

Джули поднял руки, прикрыл лицо локтем и словно отгородился от всего окружающего.

— Кит, ты идешь?

— Нет, я еще побуду,— ответил я Норме.— Постараюсь оказать Джули моральную поддержку.

Доктор Хоумз последовал за девушками, и до меня доносились глухие раскаты его голоса, словно барабанная дробь.

— И возненавидишь ты блудницу,— громыхал он.— И бросишь ее одинокую и нагую и будешь терзать ее плоть и жечь ее на огне...

— Аминь,— отозвалась в кухне детски послушная паства.

— Это самый верный способ потерять своих друзей, Джули,— сказал я, пользуясь затишьем.

А его все случившееся словно бы ничуть не задело. Он уже вновь забрался в свою непроницаемую скорлупу.

— Говорил я ей, чтоб не входила в дом,— сказал он.— Ушла бы — и все.

— Но почему ты за нее не заступился? Мог бы хоть слово сказать.

— А что сказать?

— Не знаю. А только Норма права. Это твой дом, не его.

— Вы все в этом доме уж вовсе посторонние,— сказал Джули.

— Ладно. Ладно...

— Я вас никого сюда не звал.

Я поднялся.

— Так, может, ты хочешь, чтоб и я ушел?

— Да. Лучше уходи,— сказал Джули.

— Что ж, значит, больше не приходить?

— Да.

— Ясно. Но, черт возьми, Джули, не пойму я тебя.

А Джули и не ждал, что его поймут, и хоть я разобиделся, но знал: он просто верен себе, и удивляться тут нечему.

— Увидимся, когда выздоровеешь,— сказал я, самообладание отчасти вернулось ко мне, хотя самолюбие все еще страдало.— Кстати, я принес тебе кое-что, кроме старых тетрадей,— сказал я уже в дверях.— Так что погляди как следует.

— На что поглядеть?

— Увидишь...

Я оставил ему простейший учебник по теории музыки: я все еще не терял надежды подтолкнуть его к общепринятой системе нотной записи. Я не сказал, какую книгу принес, ведь тогда он тут же ее вернул бы, даже и не подумал бы в нее заглянуть.

Итак, обманутыми надеждами кончился этот тяжкий и скверный для Джули день.

Вечером за воскресным обедом я подробно рассказал обо всем случившемся. Отец мой из принципа не пожелал осуждать человека, движимого верой, и продолжал есть. Но, жуя барашка по-австралийски, он между делом процитировал мне четырнадцатый псалом и тем самым выразил свое к этому отношение:

«Господи, кто может пребывать в жилище твоем?.. Кто не клевещет языком своим, не делает искреннему своему зла и не принимает поношения на ближнего своего...»

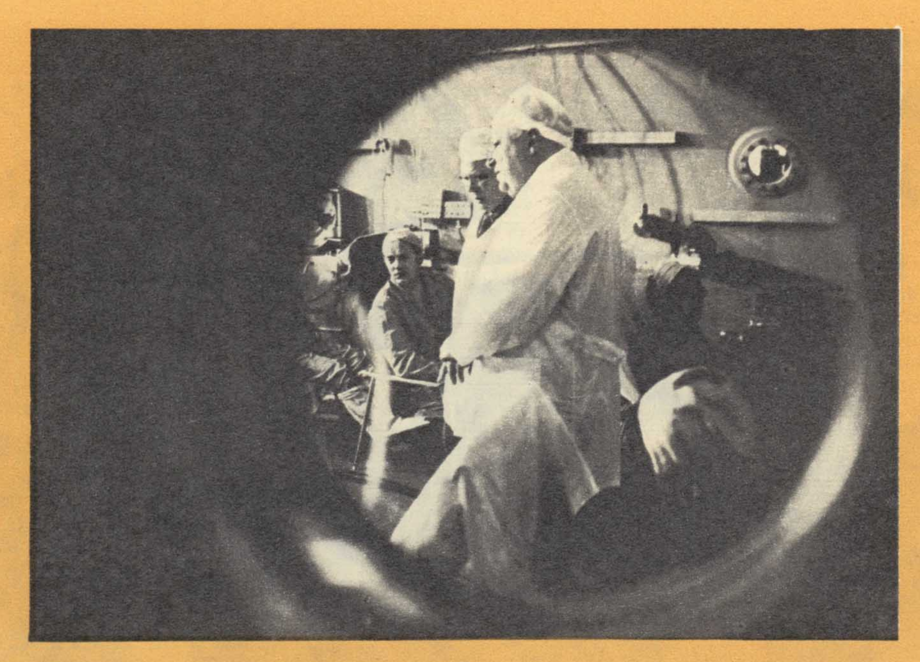
— Бедняжка миссис Кристо,— пробормотала моя мать.

— Ты хочешь сказать, бедняга Джули,— возразил я.— Ведь это его порочили, его оскорбляли.

**Перевела с английского
Р. ОБЛОНСКАЯ.**

Продолжение следует.

Профессор С. Н. Ефуни и академик Б. В. Петровский

Л. ПЛЕШАКОВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Хочу начать с цитаты из канадского журнала «Нозерн нейборз», который под броским заголовком «Перед дыханием жизни отступает даже смерть» опубликовал недавно статью, рассказывавшую об открытии в Москве «крупнейшего и наиболее совершенного в мире центра гипербарической оксигенации» и об успешном лечении в Советском Союзе различных заболеваний с помощью этого метода. Сообщив, что в нашей стране разработаны барокамеры «Ока», «Иртыш» и «Нептун», которыми будут оснащены другие бароцентры, строящиеся сейчас в союзных республиках, «Нозерн нейборз» заключает: «Советский Союз лидирует в области гипербарической оксигенации».

Здесь следует обратить внимание не только на факт, что мы опередили другие державы в перспективной области медицины, но и на то, что работы в этой области мы ведем не одни. Тем убедительнее выглядит наш успех, тем весомее наш вклад в общее дело всемирного здравоохранения.

НОВОЕ — ЭТО ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ!

С руководителем Центра гипербарической оксигенации ВНИИ клинической и экспериментальной хирургии Министерства здравоохранения СССР профессором Сергеем Наумовичем Ефуни я встретился на следующий день после его возвращения из отпуска. У него накопилось немало срочных дел. Беспрерывно звонит телефон. А на столе пачка писем, которые ждут срочного ответа. Понимаю, что время для беседы выбрано не совсем удачно. Но что делать — жду. И когда, наконец, приходит мой черед, я спрашиваю у Сергея Наумовича:

— Наверное, внимание, которое проявляется к деятельности вашего Центра, как всякая популярность, имеет и свою оборотную сторону? За эти полтора года, что прошли после его открытия, об исключительной эффективности проведенных здесь операций рассказывалось в таких восторженных тонах, что слова «чудо», «сенсация», «сказка», даже если их и не произносили, напрашивались сами. И каждый больной, уверовав в новый метод, естественно, ждет от него исцеляющего чуда. А совершать чудо всякий раз и при любой болезни, я думаю, не так просто?

— Конечно,— соглашается Ефуни.— Более того, даже сейчас, когда накоплен определенный опыт, не всегда удается объяснить некоторые из достигнутых результатов. Мы видим, какой эффект дало применение гипербарической оксигенации, понимаем общую схему, но некоторые ее детали, механизм процессов, происшедших в организме человека под воздействием этого метода, не всегда остаются ясными до конца. Видимо, наши сегодняшние представления о действии «гипербарического» кислорода на организм человека уже недостаточны, их нужно пересматривать. И главное — идти дальше, искать ответы...

— Другими словами, практика в этом деле обогнала теорию?..

— В известном смысле да...

— А не слишком ли вы осторожны в оценках?

— Думаю, это оправдано. Уже не раз достижения, дававшие великолепные показатели, оказывались скомпрометированными излишней сенсационностью и шумихой. Не избежал этой участи и метод гипербарической оксигенации. То его не совсем обоснованно объявляли чуть ли не панацеей от всех болезней, то, не достигнув желаемого эффекта или столкнувшись с трудностями, кидались в другую крайность и отрицали то положительное, что он на самом деле нес. Издержки подобного рода не новость. Но, честно говоря, порой этот метод преподносит такие сюрпризы, что даже мы, специалисты, воспринимаем их как необъяснимую загадку. Но... всякий раз приходится учитывать, что наш барогоспиталь является отделом научно-исследовательского института. А потому результаты хирургических операций и терапевтических курсов лечения — у нас проведено лечение уже более чем 1100 больных — это прежде всего исследовательский материал, который нужно тщательно изучить, обобщить и на его основе давать практические рекомендации тем, кому предстоит работать в лечебных бароцентрах страны. В общем, меньше эмоций, больше научного анализа.

— И все же, Сергей Наумович, нашим читателям хотелось бы знать о наиболее интересных случаях, начав с предыстории вашего Центра.

Ефуни задумывается. Вероятно, ему, доктору медицинских наук, привыкшему в разговоре о работе оперировать специальными терминами, изложить все это для неспециалиста представляется нелегким.

— Сначала давайте разберемся с терминами,— говорит он.— «Оксигенация» — это обогащение кислородом. Гипербарическая — под повышенным давлением. То, что газы под давлением растворяются в воде, замечал каждый, кто хоть раз открывал бутылку газированной воды. Если в герметичное помещение поместить человека и начать там поднимать давление воздуха, то в жидких фракциях человеческого организма — плазме крови, лимфе, межтканевой жидкости — растворится значительно большее по сравнению с обычным количество воздуха. Лечебный эффект подобной операции замечен медиками давно. Еще в XVII веке английский врач Хеншоу успешно лечил хронические заболевания, помещая своих пациентов в деревянную барокамеру, давление в которой поднималось с помощью органных мехов. Когда в прошлом веке была изобретена кессонная камера, использовавшаяся в строительстве, медики приспособили ее для лечения при повышенном давлении. Такой стационар был открыт в Петербурге в 1869 году.

На стыке прошлого и нынешнего веков французский хирург Пеан, используя барокамеру, провел с отличным результатом более двадцати грыжесечений, и даже после тяжелого эфирного наркоза больные чувствовали себя хорошо, не было замечено никаких отрицательных последствий.

Только после второй мировой войны, когда удалось решить ряд технических трудностей, старое изобретение родилось как бы во второй раз. В 1957 году голландский хирург Бурема провел уникальный эксперимент на свинье. В барокамере с кислородом при давлении в 3,5 атмосферы он выпустил из подопытного животного всю кровь, заменив ее физиологическим раствором. При обычных условиях достаточно было бы и пяти минут, чтобы свинья погибла. Но у Бурема она прожила без крови около часа. Потом хирург вновь перелил свинье ее собственную стабилизированную кровь, и она осталась жить.

Эксперимент Бурема лег в основу его статьи «Жизнь без крови», где ученый делился своими наблюдениями и выводами. Его работа положила начало современному использованию гипербарической оксигенации в клинической практике. Но после периода увлечения этим методом интерес к нему вновь резко упал: на пути врачей встали трудности, которые было трудно преодолеть, к тому же строительство барокамер и оборудование требовали больших затрат. Но постепенно гипербарическая оксигенация все шире стала внедряться в медицинскую практику многих промышленно развитых стран мира.

— Каков механизм ее действия?

— Вспомним школьный учебник. Для обеспечения жизненных процессов человеческому организму необходим кислород. Отсутствие кислорода — смерть. Обычный способ доставки кислорода к клеткам довольно сложен. В нем участвуют сердце, легкие, гемоглобин крови, кровеносные сосуды, регулирующие центры мозга. Это многоступенчатый механизм. И «поломка» на каком-то этапе может привести к отказу всей системы, к гибели человека. Особенно часто такие сбои могут про-

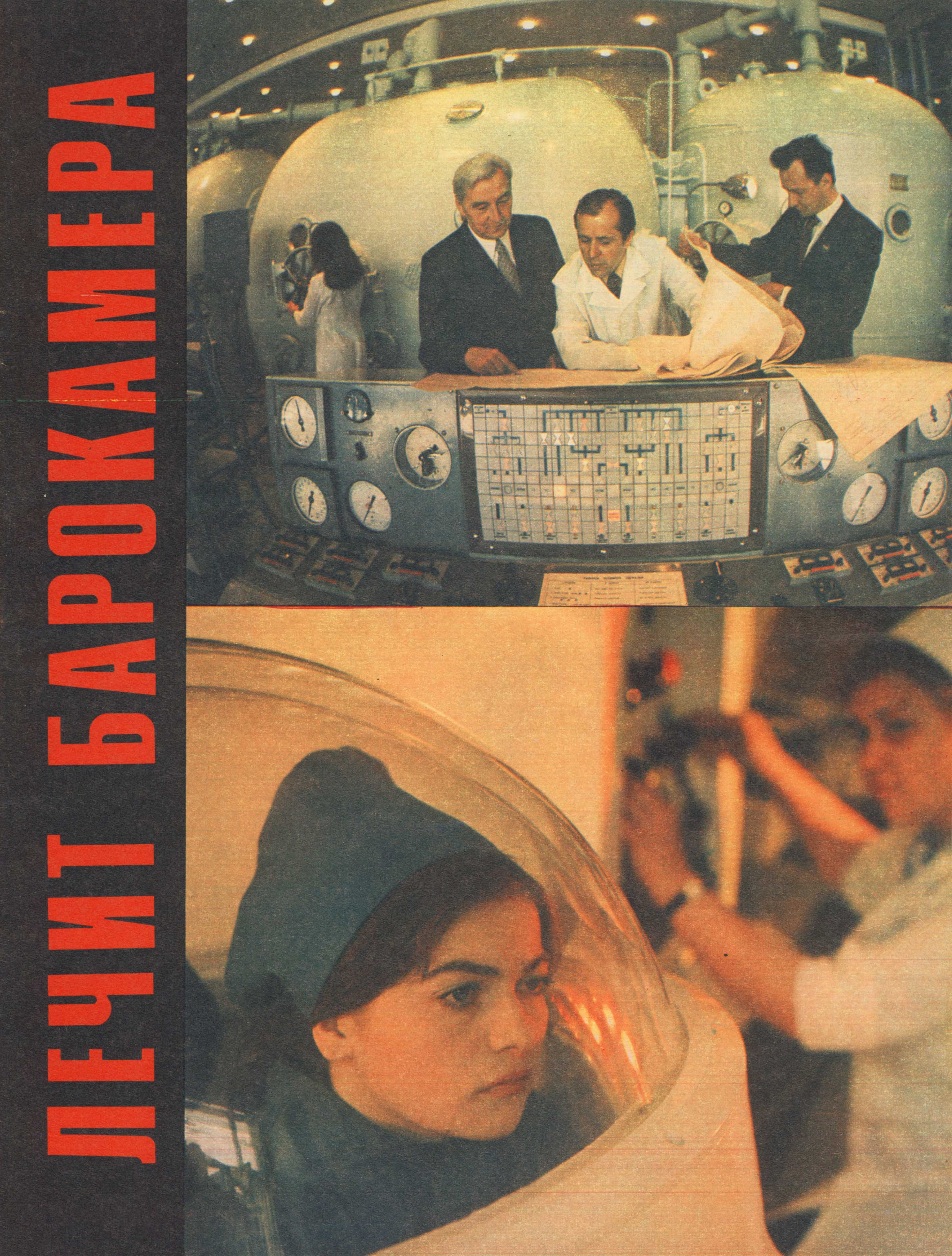
●

У пульта управления (слева направо) инженер-конструктор Л. Я. Климов, кандидат медицинских наук Т. Н. Гиоргобиани и инженер-конструктор Е. Н. Ермолаев.

Одноместная барокамера «Ока».

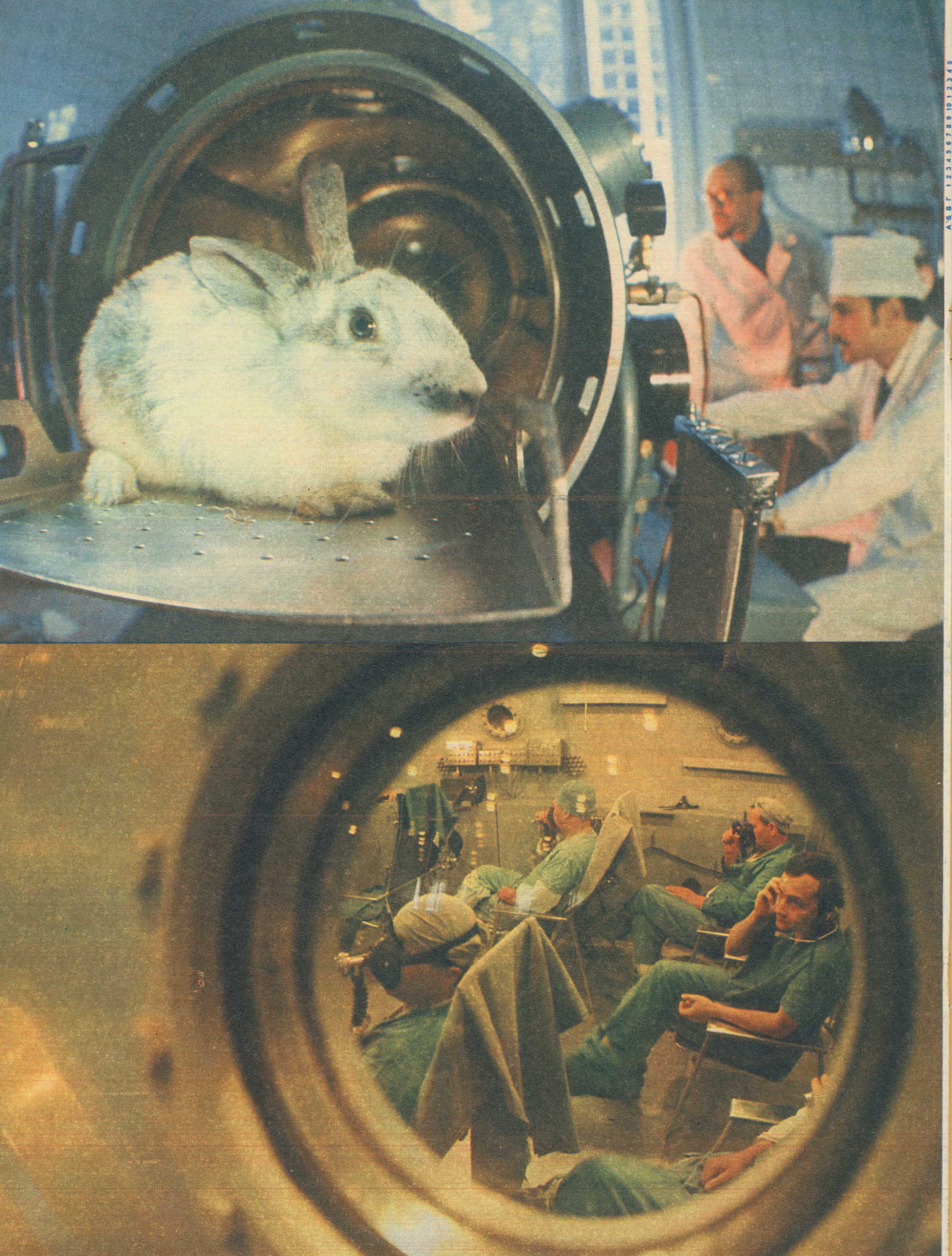
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Главный зал Всесоюзного центра гипербарической оксигенации.

ЛЕЧИТ БАРОКАМЕРА

исходить при сложных операциях, в момент, как мы говорим, хирургической агрессии. Как раз в тот момент, когда организму для жизнедеятельности необходимо усиленное питание кислородом, он его получает меньше нормы.

Вот тут-то на помощь приходит гипербарическая оксигенация. Биохимические способы насыщения организма кислородом — эту работу выполняет гемоглобин — можно дополнить физическими. Если поместить пациента в барокамеру и затем постепенно поднять давление до четырех атмосфер, то, согласно законам физики, в крови человека растворится воздуха в четыре раза больше, чем в обычных условиях.

Известно, что в обычном воздухе на долю кислорода приходится примерно пятая часть, остальное — азот. Если в нашей барокамере мы создадим среду из чистого кислорода, то и в жидкой фракции крови человека он займет место, которое раньше принадлежало азоту.

— Непонятна одна деталь. Во время, как вы выразились, хирургической агрессии, некоторые кровеносные сосуды бывают рассечены, перекрыты, и по ним не поступает не то что обогащенная — даже обычная кровь. Как же обходятся без кислорода ткани, лишившиеся своего «кормильца»?

— Запас прочности человеческого организма удивителен. Создавая его, природа предусмотрела систему многократной страховки жизненно важных органов. Например, считается, что к определенным органам ведут сначала магистральные кровеносные сосуды, которые постепенно делятся на более мелкие, и заканчивается все это разветвленное дерево капиллярами. Казалось бы: подруби главный ствол — все дерево рухнет. Но нет, природа мудра. В обход обычных сосудов она проложила запасные пути — коллатерали. В обычных условиях они большой роли в обмене не играют, но в кризисных ситуациях на них может лечь вся тяжесть снабжения тканей. Конечно, им трудно в полную меру принять на себя нагрузку больших сосудов, но от абсолютного кислородного голода они все же клетки спасти могут. Теперь представим, что в крови, которую несут эти обходные сосудики, с помощью барокамеры содержание растворенного кислорода увеличилось в двадцать раз. Это уже не голодный паек, а вполне нормальное питание. Этим чаще всего и объясняются многие «чудеса», которые удается сотворить барокамере. Техника приходит на помощь заложенным природой скрытым резервам человеческого организма, увеличивает их мощь.

Все стало реальным только после тщательных исследований. Наш Центр — результат многолетнего труда большого коллектива ученых, врачей, инженеров, конструкторов, проектировщиков, строителей. Прежде чем заложить его фундамент, люди накопили большой опыт. Медики могли сказать, чего они хотят, а инженеры решали, как этого достигнуть.

Еще в 1963 году во ВНИИ клинической и экспериментальной хирургии по инициативе академика Б. В. Петровского — ныне руководителя программы исследований в области гипербарической медицины — была создана экспериментальная лаборатория по изучению гипербарической оксигенации. В 1966 году мы приступили к проектированию нынешнего Центра. Через год начали делать первые операции на людях, приспособив под операционную барокамеру для кессонщиков ВЦНИИ охраны труда ВЦСПС. Всего там было прооперировано двадцать два человека. Результаты медико-технических исследований, клинических наблюдений легли в основу проектирования Центра.

15 апреля 1975 года состоялось официальное открытие Центра. Не было красной ленточки, а была сложная операция на сердце, которую проводил академик Борис Васильевич Петровский. Я давал наркоз, Теймураз Николаевич Гиоргобиани возглавлял всю группу обеспечения. И вошли мы тогда в барокамеру не для того, чтобы открывать что-то новое, а продолжать уже начатое, но только на качественно более высокой ступени. За нашей операцией следили гости, приглашенные на открытие: представители министерств, ведомств, общественных организаций, заводов, проектных институтов, строители — все, кому Центр обязан своим рождением. Это было наше общее дело.

Нашу беседу прервал телефонный звонок. По репликам Сергея Наумовича я понял, что один из родильных домов Москвы просит Центр принять роженицу: очень трудный случай, есть опасения за жизнь матери и ребенка.

— Хорошо, привозите! — говорит Ефуни и отдает распоряжение о подготовке операционной барокамеры.

Я, понимая, что больше не вправе злоупотреблять его временем, благодарю и откланиваюсь — знакомить с самим бароцентром меня будет главный инженер Виктор Александрович Васильев.

ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ ЧАСТИ АЙСБЕРГА

Надо извиниться за избитость сравнения. Айсберг, у которого видна только седьмая часть массы, а остальное скрыто под водой, так надоедливо переплывает из репортажа в репортаж, что его как литературный прием следовало бы хоть на время запретить. Но, честно говоря, путешествуя по этажам бароцентра, я так и не смог найти никакого иного подходящего сравнения, чтобы образно передать увиденное. Дело тут не во внешних приметах, а в глубинности и многоплановости всего, что соединилось здесь в единое целое — комплекс.

Его главный зал, где расположены шесть барокамер, имеет площадь 600 квадратных метров. Но под технические сооружения — газобаллонная, компрессорная, холодильная станции, узел энергообеспечения, ресиверная — отдано 2600 квадратных метров. Не удивительно, что из ста двадцати человек персонала семьдесят семь — инженеры, техники, рабочие. Бароцентр — это, по сути дела, медико-технический комплекс, где проблемы медицины решаются на основе новейших достижений техники.

Несколько штрихов для иллюстрации.

Долгое время на пути широкого применения гипербарической оксигенации стояла высокая пожароопасность. В чистой кислородной среде камер горел даже металл. Между тем именно в кислороде и заключен главный лечебный эффект. Выход был найден простой и остроумный. В барокамере под давлением находится обычный воздух, но больной получает через маску чистый кислород.

Стальные стены барокамер изнутри облицованы нержавейкой и покрыты токопроводящей краской, так что статическое электричество не накапливается, все время разряжается через пол и стены, которые заземлены.

Медицинский инструмент изготовлен из специальных материалов, не дающих искры. И пол камер изготовлен из легкого антиискрового алюминиевого сплава.

И хотя, казалось бы, возможность возникновения пожара исключена, камеры внутри оборудованы целой системой для тушения огня.

Известно, что при повышении давления в замкнутом пространстве поднимается температура, при снижении падает. В условиях барокамеры она колебалась бы от плюс 12 до 40 градусов Цельсия. Такой переход нелегко выдержать даже здоровому организму. А находящемуся на грани жизни и смерти?

А в этом Центре система кондиционирования поддерживает в камерах постоянную нормальную температуру.

Многие побывавшие здесь говорят, что в главном зале их поражает размер и вид самих барокамер. Согласен, впечатляет. Но меня, откровенно говоря, больше всего удивило обилие контролирующей аппаратуры, которая обеспечивает нормальные условия там, внутри операционной, где идет борьба за жизнь и где врачи исправляют ошибки природы, которые она допустила при создании венца всего живого — человека.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЧУДУ

— Итак, вы хотите, чтобы я рассказал о чем-нибудь «самом-самом»...— Теймураз Николаевич Гиоргобиани даже не переспрашивает, а скорее повторяет мой вопрос, как будто хочет сосредоточиться перед ответом.

— Да,— подтверждаю я,— о чем-нибудь таком, что даже вам, специалистам, показалось невероятным.

— Это произошло весной прошлого года. Нам позвонили, что во время операции на сердце в кровеносные сосуды больной попал воздух. Пузырьки его сразу же закупорили кровеносные сосуды мозга. Полностью исчезли все рефлексы, и на ленте электроэнцефалографа более часа отмечено полное угасание биотоков мозга. Короче, налицо все признаки гибели мозга. Признаки несомненные. После трагедии прошло уже более двух часов, и все меры, принятые за это время, результата не дали. Нас просили попробовать применить гипербарическую оксигенацию.

Надеялись ли мы на что-то? Сейчас нам кажется, да. Но с другой стороны, ведь мы отлично знали, что пять минут без кислорода — и мозг мертв.

Быстро подготовили реанимационную барокамеру. Вместе с больной туда вошли наши врачи Владимир Валентинович Родионов и Юрий Николаевич Букаев. Подняли давление до восьми атмосфер. И когда, по нашим расчетам, пузырьки воздуха полностью растворились в крови, давление постепенно стали снижать. Все трое находились в камере тридцать два часа. К окончанию этой необычной процедуры у больной появились рефлексы, двигательная активность. Потом пациентка пришла в сознание.

На первых порах у нее отсутствовала память на предшествовавшие события. Она никак не могла объяснить, каким образом попала в Москву, хотя всего несколько дней назад самостоятельно приехала на операцию. Память постепенно вернулась. Больная вспомнила события последних дней. Через две недели, к моменту выписки, вообще не осталось никаких следов пережитой трагедии. Теперь в дни праздников она присылает нам свои поздравления.

Надо сказать, что это не единственный случай, когда с помощью гипербарической оксигенации удавалось спасать людей от верной смерти при воздушной эмболии. На пресс-конференции для иностранных журналистов, которая проводилась в Центре, академик Б. В. Петровский, останавливаясь на этих случаях, говорил, что они заставляют нас быть крайне осторожными при операциях пересадки органов. Отсутствие у больного биотоков мозга еще не означает, что наступили необратимые изменения мозга.

Совсем недавно был еще один исключительный случай. У молодой женщины перед самыми родами случился тяжелейший инфаркт. И опять гипербарический кислород помог «разгрузить» больное сердце и спасти сразу две жизни.

Сейчас накоплен определенный опыт лечения глазных, желудочных, нервных и инфекционных болезней. Некоторые результаты нуждаются в дополнительном изучении, другие — в патентовании, дабы авторское право принадлежало нашей стране.

Ныне метод гипербарической оксигенации только на подступах к широкому внедрению в медицинскую практику, но достигнутые результаты многообещающи. Нет сомнения, что мы являемся свидетелями зарождения нового направления в медицине, направления с большим будущим.

— И еще,— заключает Т. Н. Гиоргобиани,— создание нашего Центра — не только решение большой технической и медицинской задачи, но и социальная победа. Ни одно государство в мире не смогло сконцентрировать столько усилий и средств, чтобы построить нечто подобное. И мы не остановились на достигнутом. Лечебные отделения гипербарической оксигенации создаются в крупных городах страны, и те, кто в них работает, проходят специализацию в нашем Центре.

●

Тут проводятся научные эксперименты над животными.

Терапевтический сеанс в барокамере.

КАРЕЛЬС

Б. СМИРНОВ
Фото Г. КОПОСОВА.

Цех, который строит инженер В. Кожух, будет перерабатывать хвою.

КИЙ ЛЕС

Лесная «биржа».

Заготовка леса — удел машины.

«Лесная» семья: В. А. Тимина и Е. И. Тимин.

ПОСАДИ СОТНЮ НОВЫХ

В поселке Вегарусс, в центре Суоярвского района Карелии, я разговариваю с лесничим Валентиной Андреевной Тиминой.

— Под надзором у лесничества,— говорит она,— сейчас двести тысяч гектаров земли, целое зеленое государство, за которым следят лишь несколько лесников. Разве тут управишься! Санитарную рубку провести, бурелом убрать — людей и техники не хватает, приходится у леспромхоза выпрашивать. А в лесу, знаете, как в доме — сколько ни хозяйничаешь, все равно дел по горло! Вот поедем по участкам — сами увидите...

Сосновый бор начинается у самых «стен» лесничества, но до своего «рабочего места» Тиминой приходится добираться километров за сорок, а то и больше. Вот и сегодня мы едем уже час с лишним в сплошном коридоре сосновых, еловых, березовых стволов. Кажется, отойдешь от дороги на десяток метров и заблудишься в этих дебрях.

— Да, леса у вас настоящие...

— Мало их остается! — говорит Тимина, и в голосе ее горечь.— Планы у леспромхозов вон какие... Рубят куда больше, чем успевает вырастать. Техника сейчас мощная: раз — и нет сотни гектаров! Это вдоль дороги такие деревья — здесь лесозащитная зона, рубке не подлежит. Но если свернуть...

Скоро мы действительно свернули. Машина запрыгала по кочкам, петляя меж стволами вслед за едва заметной колеей. И вдруг лес кончился, оборвался. Впереди, сколько можно видеть,— рыхлая стена кустарника, вывороченные камни, хаос торчащих пней, рассыпанных по земле черных, гниющих стволов. Словно ураган пронесся здесь когда-то...

— Это старая вырубка. Видите, сколько леса пропало зря! Молодняк почти не растет — все кустарник забивает. Эту землю очистить теперь целая проблема, а очищать надо. Вот оно, наследство бесхозяйственности...

— Сейчас такое не повторяется?

— У нас нет! До семидесятого года почти все леса Карелии относились к так называемой третьей группе — значит, руби сколько хочешь. Вот и старались поскорее взять спелые деревья да переехать на новую делянку. Теперь картина совсем иная: мы, например, делянку от лесорубов не примем, пока не убедимся, что вырубка и посадка велись правильно.

Все знают, давно действует закон: срубил дерево — посадил сотню новых,— объясняет Тимина.— Это и верно: у леспромхозов много всякой техники, вспахать и засеять свою же делянку семенами, скажем, сосны для них ничего не стоит. А мы, лесоводы, должны принять проросшие посевы и выхаживать их дальше. Хорошо задумано, верно? Но для нас тут начинаются всякие сложности...

У лесхоза лошадь вместо трелевочного трактора, полукустарные мастерские, способные лишь дать второсортные доски из первосортной древесины. И, что самое главное, иным лесхозам стало некогда заниматься своей прямой обязанностью — выращивать лес.

— Есть у нас надежные помощники — школьники,— продолжает Тимина.— Я, как приехала сюда работать три года назад, сразу же организовала вместе с преподавателем биологии Ниной Ивановной Самохиной школьное лесничество. Хорошо ребята помогают, молодцы! Если что надо — собираю их в бригады и везу в лес. Посадить, посеять, прополоть молодняк, семена собрать — лучших помощников не найти. Взрослые, те больше стараются грибов и ягод набрать для наших приемных пунктов...

— Выходит, главная забота о будущем леса — на плечах школьников?

— Да,— говорит Валентина Андреевна, и сама она, кажется, удивлена этим выводом.— Выходит, так.

ПАТРУЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

— Завтра полетим! — пообещал по телефону летчик-наблюдатель Вячеслав Игнатов вечером, а утром он снова звонил к нам в гостиницу:

— Полет пока отменен, ночью смыло горимость!

— Что, что смыло?

— Горимость! В пожарной авиации состояние леса по классам разделяется: когда возможность пожара большая, когда — меньшая. Ночью дождь прошел, класс изменился, по-нашему — смыло горимость. Приезжайте часа через три, может, подсохнет...

К вечеру короткий патрульный полет все же состоялся. Дежурная группа десантников осталась на базе — играть в бильярд и прислушиваться к рации. А мы, заняв их места в кабине вертолета, поднимались над районным центром Суоярви, радуясь возможности посмотреть на карельские леса сверху...

Все правильно поется в песнях: и остроконечные ели, и озера, и речки в белых париках пены у порогов. Но нет впечатления, что под нами море лесов: то болотное редколесье, то голая земля вырубок, то каменистые гряды и, так сказать, лишь острова ровного, спелого леса. Не надо быть специалистом, чтобы понять, глядя отсюда, сверху: карельский лес в опасности. Слишком много вырубок-проплешин. А сколько бесхозно брошенных стволов валяется на земле! Сплав на реках Карелии почти прекращен, но тут и там на воде — завалы из бревен, они, как частокол, окружают озера, онаймляют речки, запружают ручьи. Всей этой древесины хватило бы на сотни железнодорожных составов! На земле — глубокие шрамы от гусениц тяжелых тракторов, на брошенных лесовозных дорогах — канавы, размытые участки, сгнившие мосты... Что же, лесосека есть лесосека, лес рубят — щепки летят. Но щепка из карельского леса получилась уж больно тяжелой.

Под нами клетки ровных линий: это каналы, отводящие воду из болот. Вот речки, дно которых очищено от гниющих деревьев — топляков, вот свежезеленого цвета поляны молодых лесопосадок, белые нити гравийных дорог, линии электропередач к аккуратным поселкам... Хочется верить, что следы бесхозяйственности будут решительно стираться с карельской земли.

Это все, так сказать, попутные впечатления в нашем противопожарном рейсе. И хотя черных лесных пожарищ мы видели сверху предостаточно, новых загораний летнабу Игнатову обнаружить на сей раз не пришлось. Несколько раз Вячеслав высовывался наружу через приоткрытую дверь вертолета, но дымы внизу оказывались безобидными рыбацкими кострами.

— В этом дождливом году настоящих пожаров, можно считать, и не было,— рассказывал после полета Игнатов.— А вот в семьдесят третьем... Ох, сколько леса сгорело! Правда, тот год нас многому научил. Воздушный патруль укрупнен, в леспромхозах организованы постоянные команды, и по первому же нашему сигналу они готовы прислать людей, подогнать бульдозеры, мотопомпы. В нашем районе считается нормой, если команды из леспромхозов приезжают на самый дальний пожар через час после того, как его обнаружили.

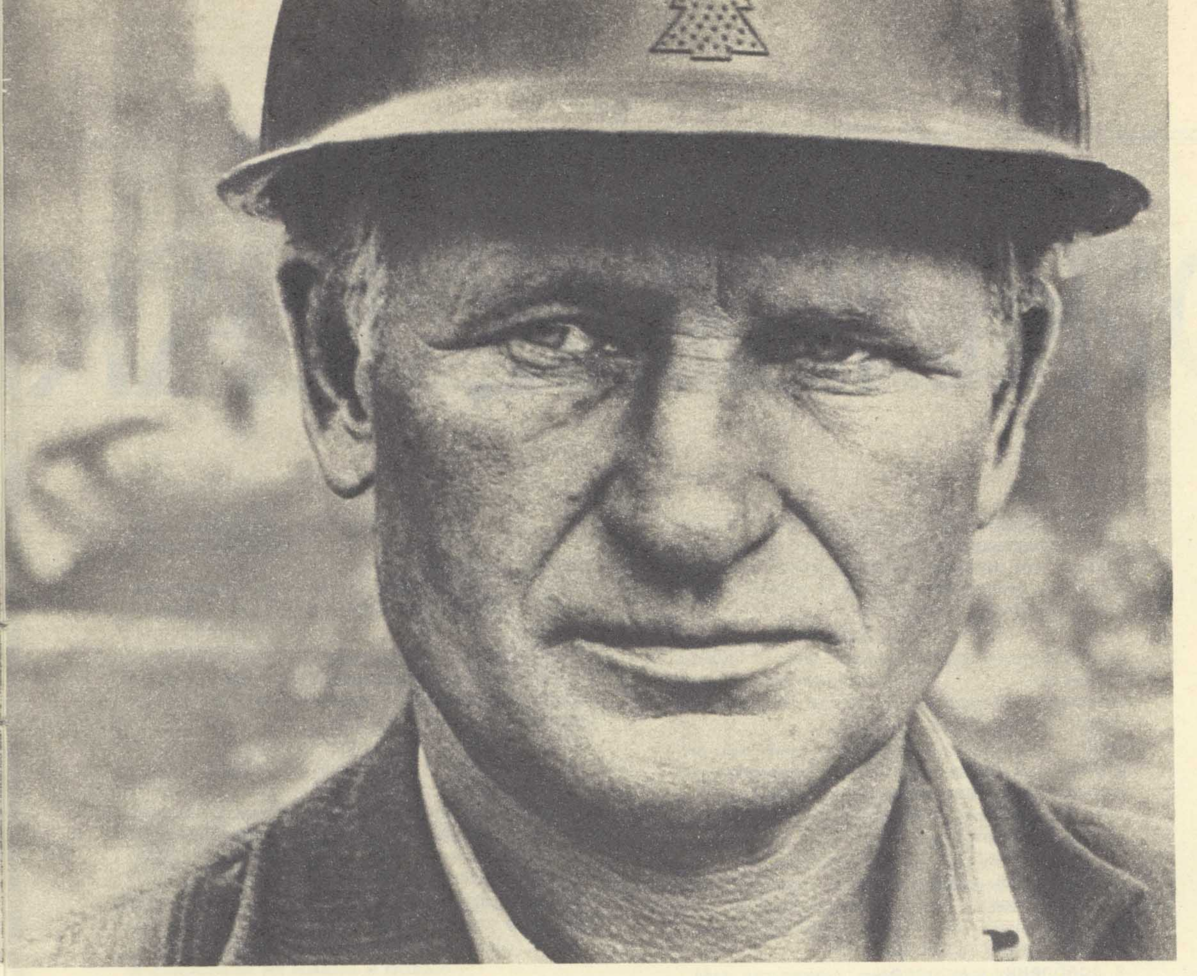
— А ваши десантники?

— Они первыми... Прямо с вертолета и в огонь. В прошлом году более половины пожаров мы сами погасили. Нам бы вертолет помощнее!

— Вы не считаете, что это слишком дорого — содержать вертолет, штат из семнадцати пожарных? В это лето, например, вы сами сказали, загораний почти не было...

— Дорого? — летнаб усмехнулся.— Вот все говорят: много рубим леса, он не успевает восстанавливаться. А если бы не пожары, можно было бы рубить еще больше, и без всякого вреда для лесного хозяйства! Все те потери, что вы видели сейчас сверху,—мелочь по сравнению даже с одним «хорошим» пожаром. Мы предотвращаем их в среднем до сотни в год, это тысячи гектаров сохраненного леса. Не знаю, сколько будет в рублях, но уж, конечно, пожарная авиация обходится дешевле...

Игнатов прав. Хорошо, когда дождь «смывает горимость», но полагаться лишь на пого-

Технорук М. М. Пархимчик.

ду в таких делах, мягко говоря, опасно. Лишь люди могут предотвратить эту самую горимость, спасти землю от страшной, всепоглощающей стихии. Так пусть же больше будет над нашими лесами самолетов и вертолетов с красной полосой на борту...

НАУКА РУБИТЬ

Помните некрасовское: «Плакала Саша, как лес вырубали...»? Это все понятно. И у меня, например, никогда не вызывал энтузиазма вид падающей могучей сосны. Но древесина человеку необходима, и от рубки леса никуда не уйдешь. Вопрос в другом: как все это делать по-хозяйски, чтобы не подрубать попутно под корень и саму природу, чтобы полнее убирать «урожай» с лесных нив?

...Мы едем смотреть самое лучшее, то есть то лучшее, что есть в Карелии по части лесопроизводства. Гидом у нас молодой человек. Мы сначала думали — новичок, а оказалось, нас сопровождает очень уважаемый в Райконкосском лесопункте человек, бывший дорожный мастер, бывший мастер леса, а теперь — технический руководитель лесопункта Николай Николаевич Жуков.

— Посмотрите на дорогу,— начинает он разговор в первые же минуты поездки.— Видите, выметена, словно веником? Это потому, что мы теперь деревья возим из леса с кроной. Раньше тонкую вершину дерева обрубали и сжигали, теперь она тоже в дело пойдет. И лес не захламляется и древесина экономится...

— А куда все ветки деваются?

— Их обрубает сучкорезная машина СМ-2. А ведь в механизации важно сделать первый шаг, верно? — увлеченно говорит технорук.— Вы знаете, обрубка веток вручную — самая тяжелая работа в лесу. За день топором так намашешься...

Да, посмотрели бы некрасовские лесорубы, что теперь делается в лесу! Человек к дереву, можно сказать, рукой почти не притрагивается. Вот работает укрупненная комплексная бригада И. Н. Кулаги. Первым к дереву подходит с бензопилой вальщик — молодой парень в выцветшей солдатской гимнастерке. Сорок секунд — и сосна на земле. Теперь дело за трактором. Подъезжает... Нет, это уже не трактор. Когда я увидел его, почему-то сразу вспомнились описания лунохода. Посудите сами: от оранжевой тележки на гусеницах протягивается длинная сочлененная «рука», стальные «пальцы» сжимаются и обхватывают ствол упавшей сосны. Легко, как спичку, «рука» поднимает дерево и укладывает на «спину» трактора, в специальные захваты. Они сжимаются, как тиски, и трактор движется к другому дереву. Когда в захватах уже с десяток деревьев, трактор волоком тащит их в сторону, сам себя разгружает своей «рукой» и отправляется за следующей пачкой стволов. Тут подъезжает машина с прицепом, подъезжает еще один оранжевый трактор, хватает сразу несколько стволов погрузчиками-челюстями, поднимает деревья над собой и аккуратно укладывает прямо на прицеп. Загруженный лесовоз уезжает. Здорово!

— Механизмов, конечно, много появилось,— говорит бригадир И. Н. Кулага.— Я начинал работать на этом лесопункте двадцать два года назад, когда лес валили лучковой пилой, на лошадях вывозили. Разве сравнить... Правда, тогда и леса другие были — чистые, звонкие. Повалишь сосну — остается пень в полметра диаметром! Такие вот,— бригадир толкнул ногой очередной поваленный ствол,— мы тогда не брали. Сейчас, конечно, подход другой. Были слишком щедрыми, половину леса на земле бросали,— теперь надо быть бережливыми. Ветки, вершинки, пеньки, даже хвоя — все должно в дело идти. Раньше вырубку в таком виде оставляли, что не пройдешь, ногу сломаешь, а теперь хоть в футбол играй!

Делянка действительно блистала чистотой — ни веточки, ни обрубка. Земля здесь будет вспахана, будет посеян новый лес. От деревьев остались одни лишь пни. Их можно, конечно, выкорчевать, для этого есть даже специальный агрегат, но, оказывается, корчевка — дело хитрое. Свежий пенек никуда не годится, а вот если он простоит несколько лет, пропитается насквозь смолой — тут и надо его выдергивать, отправлять в переработку на очень ценный продукт — канифоль. Так и делают в леспромхозе. Все бы хорошо, да за эти годы вокруг пней уже успевают вырасти молодые сосенки. Приходит трактор, начинает выкорчевку — и прутки нового леса перемалываются гусеницами. По бумагам здесь растет лес, на самом же деле — пустыня... Это все проблемы, которые лесная наука должна еще решить.

Есть на лесосеке и другие, чисто технические задачи.

— Вот и тракторы новые... Всем хороши, да больно тяжелые — проваливаются в болотистой местности... И к погрузчикам претензии имеются: слабоваты, рама у них часто не выдерживает, гидравлика отказывает...

Много подобных соображений слышали мы на делянках. И, пожалуй, правильно реагировал на них молодой технорук Жуков. «Да, я знаю,— отвечал он своим подчиненным,— не все у нас в порядке. Но ведь несколько лет назад ничего этого вообще не было, правда? Главное то, что мы учимся не терять древесину, разумно хозяйствовать. А учение легко никому не дается...»

УДИВЛЯТЬСЯ — ЭТО БЫТЬ ПОЭТОМ!

Так написал Марк Шехтер в одном из своих стихотворений. Удивляло и останавливало его внимание все: и наступающая зима, возводящая «ледовые хоромы», когда «снежинки-гномы поддразнивают кружевной неповторимой новизной», и Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, которому «весельем откликнулся юным деловой Белорусский вокзал», и неяркии пламенем «мимоза, горящая в киоске на Цветном», и «магическая сила полотна» Рафаэля «Сикстинская мадонна».

Книга стихов Марка Шехтера «Лирическая погода» — пятая, вышедшая после смерти поэта. Она составлена из лучших стихов, написанных в разные годы. Широк диапазон тем, которые охватывает лирика М. Шехтера: героизм первых пятилеток; подвиг народа в годы Великой Отечественной войны (он был ее участником); трудовые и напряженные будни наши и наши праздники; место художника в жизни социалистического общества.

«Что может быть более радостным, чем делиться прекрасным», — любил М. Шехтер повторять слова Ю. Олеши. И это желание, очевидно, и вызывало ту задушевную теплоту, которая отличает его поэзию, ту доверительность в разговоре с читателем, способность проникнуть, как он говорил, в «простой блиндажик сердца».

М. Шехтер умел в стихах от частного и конкретного перейти к размышлению, обобщению, ассоциации или к философскому раздумью. Какие, казалось бы, мог вызвать чувства незамысловатый и привычный одуванчик? Поэт начинает стихотворение, которое так и называется — «Одуванчик», строками:

Здравствуй, милый одуванчик,
От каких трудов и дел,
Мой недолговечный мальчик,
Ты столь рано поседел?

И возникает проникновенная песнь советскому солдату, прошедшему огненными дорогами войны.

От какой такой невзгоды
Побелела голова?
Вот уж мы-то помним годы —
Люди гибли, как трава!

Вот уж мы знавали беды,
Лютый холод, лютый зной,
Заплатив за День Победы
Жизнью, кровью, сединой!

Не это ли «задушевное звучанье» поэзии М. Шехтера требовало той напевной интонации, которой отмечены многие его стихи? Она и в интимной лирике и в гражданских стихах, где часто слышатся слова любви и верности поэта Родине:

Только чем за щедроты ее заплачу?
Лучшей песни на это не хватит!
Жизнь по капле отдать за нее я хочу,
Остальное — пусть дети заплатят.

Л. НАТОЧАННАЯ

Марк Шехтер. Лирическая погода. Стихи. М., «Советский писатель», 1975. 248 стр.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

ЖИВАЯ, КАК

ПО МОТИВАМ БОЛГАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

1

СТОЯЛИ ТРИ БРАТА У ОТЧИХ ВОРОТ...

Стояли три брата у отчих ворот,
а кроме ворот — у них крыша и кот,
от бедности впору топиться...
И старший сказал:
— Мне бы плуг да быков,
пахал бы я землю, покуда здоров,
засеял бы землю пшеницей...
Я б сеял и верил, что нынче смогу
дать высохшим вдовам зерна по мешку,
чтоб в праздник сиротские дети
не ждали подачки скупых богачей,
а сладко поели своих калачей —
светились б глаза их от снеди...

А средний сказал:
— Мне б отару скота,
и не было б больше у бедных поста,
я б стал колдовать в сыроварне...
О, брынзы овечьей духмяный кусок,
сочится по белой щеке ее
сок...
Ломайте, батрацкие парни!

А младший сказал:
— Мне б повозку с конем,
и я по степному раздолью
коня направлял бы и ночью и днем
к озерам с блистающей солью.
Повозку б свою
нагрузил не спеша
заморскою солью дешевой,
чтоб не молили у торгаша
щепотку крестьянские вдовы:
он ссудит им в долг,
свой блюдя оборот,
а после, как липку, за соль обдерет.

2

ЖНЕТ ДЕВУШКА НА ПОЛЕ...

Жнет девушка на поле,
жнет девушка с утра...
Пастух ей:
— Жать доколе!
Уж полдничать пора!

— Ты лжешь, пастух-насмешник!
Окликнет в полдень брат,
он сам на взгорьях здешних
с отароюягнят.

Жнет девушка на поле,
жнет девушка с утра...
Пастух ей:
— Жать доколе!
Уж полдничать пора!

— Оставь, пастух!
Известен
полуденный приход,
в тот миг над полем песен
никто не запоет;
с работою управясь,
ест каждый жнец за двух,
от их домашних трапез
исходит добрый дух...

Мы с братом сядем тоже,
тень отыскав,
рядком
и белый хлеб накрошим
в долбленку с молоком.

3

КОГДА БЫ БЕЗ АРШИНА...

— Когда бы без аршина,
без ножниц и иглы
пошить на именины
вы платье мне смогли —
я б утверждать рискнула,
портные-мастаки:
вам равных от Стамбула
нет до Дунай-реки...

— Просей муку без сита
и без воды меси,
на людях, не сокрыто
калач нам поднеси —
и скажем, не скрывая,
что девушки ловчей
нет от реки Дуная
до греческих морей.

— Ресницами просею,
их не пошевелю,
просею и сумею
хлеб замесить —
своею
слезою оболью...

4

ОТПУСТИ МЕНЯ, МИЛЫЙ...

— Отпусти меня, милый: петух запел,
светает вроде...
— Дорогая, то ветер проскрипел
к дурной погоде...

— Отпусти меня, милый: звенят вдали
на ведрах дужки...
— Дорогая, это, смеясь, прошли
с посиделок подружки...

— Отпусти меня, милый: льется с могил
скорбное пенье...
— Дорогая, по мертвым поп загнусил
под воскресенье...

— Отпусти меня, милый: стерпеть невмочь
отчего гнева...
— Батюшка на поле круглую ночь —
ведь время сева...

5

КАК СТОЯН НА ТАМБУРИНЕ...

Как Стоян на тамбурине
по округе грянул дробно —
сразу жницы на равнине
бросили серпы под копны.

А лишь звуки тамбурина
долетели до светелок —
выпорхнули до единой
все девицы на проселок.

А старухи от корыта
отрываются с охотой,
и душа у них открыта,
не задавлена заботой.

Голос тамбурина сладок,
все сердечней,
все напевней...
И огромный беспорядок
воцаряется в деревне.

Но судья, стремясь к покою,
шлет за музыкантом стражу:
— Ты зачем своей игрою
возмутил деревню нашу?

А Стоян в ответ ни слова,
но, не совладав с собою,
снова заиграл медово
он перед самим судьею.

Что за чудо? Это даже
не придумаешь и в сказке —
ноги движутся у стражи,
словно в пляске,
словно в пляске!

Встал судья, сверкнул очами,
пролегла на лбу морщина,
но... и он повел плечами
в лад веселый тамбурина,

в лад ликующих мелодий
он выстукивал перстами,
правда, не при всем народе,
как вы догадались сами.

МИСКА БОБОВОЙ ПОХЛЕБКИ

(Из поэта Андрея Германова.)

Было у меня три друга,
три молчаливых друга, которые
всегда имели для меня по хорошему слову
и по миске бобовой похлебки.

Не знаю как,
но меня сделали начальством,
таким совсем маленьким,
совсем незначительным,
но — начальством.

Вдруг оказалось,
что у меня было тридцать приятелей.
Они для меня имели
по сто хороших слов,
по одной сплетне районного масштаба
и по одному ходатайству.

СЕРДЦЕ, ЭПОХА

Прекрасно живется с друзьями,
и лестница приятна, когда по ней
поднимаешься вверх —
под моими ногами ее клавиши
издавали все более приятные звуки.

Вверх уводили ступени,
и росло число моих друзей,
число ободрительных и одобрительных
слов,
число сплетен
и ходатайств.

Друзей у меня уже было тысячи.
Они извергали водопады красивых слов,
приносили мне сплетни космического
масштаба
и меня впутывали в весьма усложненные
истории.
Друзья увеличивались, как лавина.
Я смешивал их имена и облики,
но встречал только улыбающиеся лица
друзей.

На Млечном Пути звезд первой величины
терялись в сумерках и исчезали первые
друзья.
Я знал только, что все у меня друзья.
Я был счастлив тем,
что они счастливы благодаря мне.

...Когда я пришел в себя,
вокруг меня было темно.
Все мои ребра
были поломаны объятьями,
лицо было в синяках
от присосков поцелуев.

Звезды Млечного Пути сияли в вышине
на своих местах.
Мои бесчисленные приятели, как потухшие
планеты,
кружились около них.

Только трое мужчин,
которых я вроде бы где-то видел,
молча смазывали меня
йодом.

Поодаль дымилась миска бобовой похлебки.

●

В горькой памяти передо мною
почтальонши военной поры,
заходившие с тяжкой сумою
в наши вымершие дворы.

В тяжкой сумке заключена
от надсадного крика до вздоха
ведь не просто судьба и война,
но живая, как сердце, эпоха.

Расцветет иль обрушится свет?
«Похоронка» иль с фронта привет?

И стыдясь своих девичьих лиц,
и стыдясь своих юных косиц,
почтальонши ступали свинцово,
почтальонши смотрели сурово.

...А недавно в болгарском селе,
подружившись с одним почтальоном,

я поднялся в предутренней мгле,
и мы тронулись с почтой по склонам.

Люди корм задавали скоту,
в блюдце хлебец крошили коту,
хворост из-под навеса носили,
печь топили и тесто месили.

И хоть ясно, что в мирные дни
относительны мысли о смерти,
посуровев, вникали они
в дальний адрес на каждом конверте,—

так же, как и в иные года,
от надсадного крика до вздоха
в этих письмах не просто страда,
но живая, как сердце, эпоха.

И, к военному детству клонясь,
обнаруживал я беспощадно
меж собой и девчонками связь,
почтальоншами доли блокадной.

...Мы деревнею дальше пошли,
речи не долетали до слуха,
лишь заметили мы, как вдали
нас все крестит с порога старуха.

●

Это еще не победа,
коль, преисполненный сил,
ты, над врагом торжествуя,
с ходу врага победил.

Если ж, разбитый жестоко,
ты без поддержки и прав,
даже друзей закадычных
в трудной борьбе потеряв,

сможешь собраться, подняться,
встать, будто корнем пророс,—
это уже победа,
это уже всерьез.

●

Надо помогать друзьям,
вместе с ними вырастая,
и поверьте: сила злая
не опасна будет вам.
Надо помогать друзьям.

Другу помоги с душой
и пекись, как бы о брате,
не для выгоды пустой
или выигрыша ради.
Другу помоги с душой.

Жить дремуче, как кулак,
умереть, как схимник тощий,—
это же простого проще,
но не стану жить я так.

●

Не дай озлобиться душе,
не дай, не дай!
Тогда не сможешь петь уже.
Конец и край.

Все, что болтают невпопад,
слова обид —
представь, что это листопад,
листва летит...

●

Красивыми шарами
жонглирует жонглер;
высокими речами
жонглирует позер.

Жонглер — товарищ модный,
большой актер к тому ж;
позер нечистоплотный —
ловец наивных душ.

Какой-нибудь тетеря
глядит позеру в рот,
как, истину похеря,
тот вдохновенно врет,

его язык разбухший
талдычит: «Совесть! Честь!..»
Для нравственности хуже
не знаю, что и есть.

●

В летний день наблюдаю за сыном,
он смеется, свистит и поет,
мальчик ждет свой полет соколиный,
крылья выросли — близок полет.

Оторвется от отчего дома,
необъятен простор бытия...
Все обыденно, ясно, знакомо,
но, скорбя, попрощаюсь с ним я.

●

Художнику Вл. Ветрогонскому.

Ах, сколько горечи и грусти
из чаши суждено испить,
чтобы не просто жить в искусстве —
чтоб победителями жить.

Но, милый, мы ведь знаем сами
свой славный жребий на земле,
и нам гордиться не рубцами —
морщинами, что на челе;

гордиться, что еще, как дети,
мы улыбаемся, когда
желчь разливается в клеврете
и в злобе пляшет борода.

Нет ничего для сердца краше,
чем жизнь, отвага, блеск зари...
А русское искусство — наше!
Ведь наше, как ни посмотри!

●

Ранний щебет птиц лесных,
голос их до сердца проник,
ну, а если бы я понял
что-нибудь из речи их —

я бы слушал, не мешал,
восхищался мыслью гибкой
и с какой-нибудь ошибкой,
может, встречи избежал.

ПАМЯТИ НИКОЛЫ ВАПЦАРОВА

Болгарские поэты —
красивые певцы,
болгарские поэты
от века удальцы.

Что может быть прекрасней,
чем, отстраняя страх,
всего за час до казни
держать перо в руках!

•

Не считаю себя образцом,
далеко не считаю,
но одно отмечаю:
не был в жизни я частным лицом,
ибо горе и счастье людей,
ибо горе и счастье России
не сегодня, а в детстве впервые
стали личной судьбою моей.

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

1

Знавал я трех человек:
один плел из лозы корзины,
и его ожидало будущее народного умельца;

другой лечил людей,
и я не исключаю, что на этом пути
он мог бы вырасти в научное светило;

третий был отважный мореход,
он бороздил океаны,
и я уверен, что его ждали
великие географические открытия.

Но первый
забросил лозу и перестал плести корзины...

Второй
перестал выстукивать грудные клетки...

Третий
сошел с корабельной палубы...

И все они независимо друг от друга
занялись литературой.

Я грустил,
что народное творчество,
искусство врачевания
и искусство мореходства
потеряли три свои восходящие звезды.

Музы же не приобрели искусных кавалеров.

2

Может, взять да завести собаку.
Брошу палку —
принесет по знаку.

Иль в железной клетке попугая,
чтобы жил,
кормильца прославляя.

Только знай: нисколько не сравнима
деятельность их
и подхалима.

Ибо попугаи и собаки
не льстецы, а просто работяги.

Им служить приказывает совесть.
Вот какая получилась повесть.

Подхалим же — клещ,
а не работник,
до подачки дармовой охотник.

У него не ночевала совесть.
Вот какая получилась повесть.

НАЧАЛО ГАЗЕТНОЙ СТРОКИ

...С газетой мы вплываем в грядущий день — так считал еще Карел Чапек. С той поры, когда это было сказано, едва ли что изменилось: многие из нас свой день начинают с чтения газеты.

Но прежде чем вы возьмете в своем почтовом ящике «Правду», ее — строка за строкой — обдумают, выпестуют журналисты. Люди пекут хлеб, добывают уголь, летают в космос, растят и собирают урожаи — и выпускают в свет газеты. Кто же и как делает газету? С чего начинается газетная строка, как новость попадает на газетную страницу? Как, наконец, организована редакционная работа?

Об этом книжка советского журналиста, ответственного секретаря «Правды» С. Цукасова. Обстоятельно и точно автор рассказывает о сути редакционной работы и об особенностях ее.

Книга прежде всего о секретариатах редакций, о тех подразделениях, которые издавна называют штабом газеты, где сходятся многие нити управления журналистскими коллективами, где составляются планы — словом, где складывается номер. Утром вы его получите, чтобы узнать все новости страны и планеты...

Автор не замыкается в рамках опыта одной редакции (хотя он весьма значителен и интересен),— его рассказ шире. С. Цукасов показывает, как бережно работают редакции советских газет с читательскими письмами.

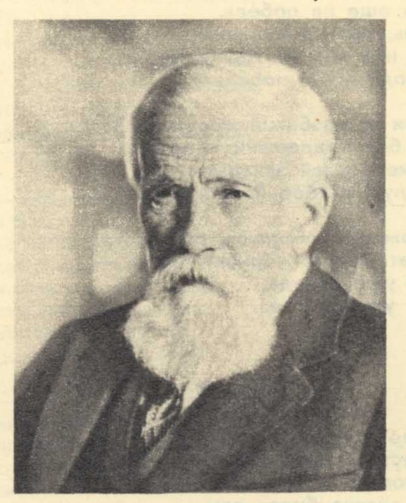
В редакционную практику в последнее время приходит много нового, и это не только подмечено, но и исследовано автором книги. Научные принципы организации работы, повышающие ее эффективность и качество. Использование в редакциях новой и новейшей техники, от простейших средств и приспособлений до видеотерминалов с возможностью править статью электронным «карандашом» — и это оказалось в зоне пристального и квалифицированного авторского внимания. Я мог бы говорить о книге много — ведь это первая за много лет подобная работа.

Раскройте книгу и вы узнаете о том, как делаются газеты...

К. БАРЫКИН,
заместитель председателя
Всесоюзной комиссии
по НОТ в журналистике

С. В. Цукасов. В штабе газеты. М., «Мысль», 1976, 144 стр.

СЧАСТЬЕ МИРА

Пионеру Игорю Михайлусенко на добрую память
22 ноября 1947 Москва
В. Обручев

Академик В. А. Обручев. Фотография с дарственной надписью.

В 1947 году я, тогда еще школьник, страстно увлекался географией, зачитывался книгами о путешествиях. Как-то мне попалась на глаза книга «Земля Санникова», написанная Владимиром Афанасьевичем Обручевым. Прочитал я ее с захватывающим интересом, словно сам побывал в этой удивительной стране среди онкилонов, увидел пузырящиеся озера, Долину Тысячи Дымов, участвовал в охоте на носорога. И вот, робея и теряясь, я написал тогда Владимиру Афанасьевичу свое мнение о только что прочитанной книге. Владимир Афанасьевич прислал мне большой, обстоятельный ответ. Так началась наша переписка. Мне было четырнадцать, когда я отправил свое первое письмо 84-летнему академику, Герою Социалистического Труда Владимиру Афанасьевичу Обручеву, блистательному ученому, геологу, географу, знаменитому путешественнику — человеку, исходившему пешком десятки тысяч километров, написавшему сотни научных трудов. Он делился со мной своим опытом, своими мыслями о мире, о счастье. «Всеобщий мир народов, отсутствие всяких осложнений в их жизни, отсутствие стремлений к власти одних над другими можно, пожалуй, считать всеобщим высшим счастьем, позволяющим и личную жизнь складывать и развивать счастливо»,— писал мне академик В. А. Обручев в своем письме в августе 1955 года.

В 1975 году в одной из московских библиотек я повстречался с книгой «Учитесь властвовать собою...», выпущенной издательством «Молодая гвардия» в серии «Компас» (составитель сборника С. Антонова), которая привлекла мое внимание, потому что она была собрана из писем замечательных людей, тех, с кого хотелось бы брать пример, кем человечество вправе гордиться. Людей высокого чувства, высокой морали, большого жизненного опыта. Здесь письма А. И. Герцена, А. М. Горького, И. Арманд, Я. М. Свердлова, Э. Тельмана и других. Для меня эта книга оказалась по-особому дорога. В ней напечатаны те письма, которые прислал мне в свое время академик В. А. Обручев. Думаю, что мысли выдающегося ученого, человека щедрой души, бескорыстного, влюбленного в людей, его советы и наблюдения содержат много интересного и полезного для молодежи.

«Жизнь свою люди начинают одинаково: они мечтают об идеале, о великом, о подвиге. Но от мечты до поступка — целая жизнь, и на пути человека к поступку зачастую стоит он сам. Помочь тебе стать хозяином самого себя и своих поступков, осознать то, что по-настоящему важно в жизни,— вот для чего собраны эти письма воедино».

Так сказано в предисловии к книге. И сегодня я испытываю большую радость оттого, что вышла в свет еще одна новая, интересная и полезная книга «Учитесь властвовать собою...», в которой я, уже взрослый человек, открываю что-то новое, необходимое мне именно сегодня.

Игорь МИХАЙЛУСЕНКО

С. Репин. Род. 1948. СОН. 1976.

III республиканская художественная выставка «Молодость России».

А. Блиок. Род. 1946. ОСЕННИЙ ДЕНЬ В ЛОМОНОСОВЕ. 1975.

III республиканская художественная выставка «Молодость России».

Великое произведение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» будет жить в веках. Никакие наскоки скептиков не могут поколебать уверенность в его подлинности. Благодаря трудам поколений ученых многое в нем стало ясным, однако далеко не все. Один из главных нерешенных вопросов — кто же был автор «Слова»! На этот счет высказано много гипотез. Академик С. П. Обнорский в 1939 году писал: «Слово о полку Игореве» было сложено на юге, всего вероятнее, в северской земле, в княжение самого Игоря. Из анализа лексики памятника следует думать, что автором «Слова» было лицо военного класса, дружинник Игоря. Автор «Слова» был близким лицом к самому князю, вместе с ним участвовал в княжеских потехах (соколиная охота и пр.), вместе с ним был живым участником и самого похода на половцев...»

Журналист В. П. Суетенко, опираясь на предположение С. П. Обнорского, выдвигает еще более смелую догадку: автор «Слова» — брянский боярин второй половины XII века Софония, по прозвищу Рязанец, которого ученые обычно считают творцом более позднего произведения — «Задонщины».

Гипотеза В. П. Суетенко и ее аргументация интересны, но, несомненно, вызовут полемику. Многое в великом памятнике древнерусской литературы еще продолжает оставаться загадкой. Важно не это, а то, что «Слово о полку Игореве» не перестает интересовать и ученых и самые широкие круги читателей.

Ф. П. ФИЛИН,
член-корреспондент Академии наук СССР

Владимир СУЕТЕНКО

СОЛОВЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В донецкой степи, близ города Белая Калитва, на поросшей седым ковылем Караул-горе чернеет глыба диабаза, видная издалека. На камне высечена надпись: «Воинам Игоревой рати — храбрым русичам 1185 года». За восемь прошедших веков было много куда более громких и достойных внимания событий; мы же доныне помним и горячо переживаем, словно это случилось вчера, неудачный поход северских князей.

Образы гениальной поэмы продолжают волновать умы и сердца читателей. Такова волшебная сила песнопения.

ЭХО КАЯЛЫ

Как ни далека от нас эпоха «Слова о полку Игореве», знаем мы о ней немало. Над этим потрудились ученые. А поэты, художники, композиторы расцветили добытые факты яркими красками своей фантазии.

Но не переводятся скептики, утверждающие, что «Слово» — подделка XVIII века! Поводом для сомнений служат загадки, окружающие историю открытия и первого издания замечательного памятника русского средневековья. Даже о приобретении сборника «Гранаграф», содержавшего рукопись поэмы, существуют три версии. А. И. Мусин-Пушкин после двадцати лет упорного молчания назвал продавцом рукописи И. Быковского, давно умершего. Близкий знакомый Мусина Е. А. Болховитинов записал для себя: «Он купил ее (рукопись) в числе многих старых книг и бумаг у Ивана Глазунова, все за 500 р., а Глазунов после какого-то старичка за 200 р.». А вот мнение академика Д. С. Лихачева: «Мусин-Пушкин мог приобрести его (сборник) не совсем законным путем в одном из псковских монастырей, используя свое положение обер-прокурора святейшего синода».

Противоречивы показания разных лиц (Карамзина, Селивановского, Ермолаева) о внешнем виде и графике рукописи «Слова». Сам Мусин уверял, что поэма была «писана на лощеной бумаге, в конце летописи», а ее от летописи («Временника») отделяют в сборнике две повести, относил «оную переписку к концу XIV или началу XV века», а она, по общему мнению ученых, минимум на сто лет моложе.

Для скептиков все просто. Обнаружили в поэме слова, неизвестные другим произведениям древнерусской литературы,— выдуманы, встретились не поддающиеся расшифровке «темные места» — сочинены специально. Нет для них трудностей и в определении автора. Нелестная честь изготовления фальшивки приписывается то екатерининскому вельможе Мусину-Пушкину (который не был писателем), то Карамзину (чей стиль слишком известен и не похож на манеру древнего певца), то чиновнику и ученому Бантыш-Каменскому, то престарелому архимандриту Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле Иоилю, сочинителю проповедей и духовных стихов.

Это, конечно, не так. Науке известны по меньшей мере три списка поэмы. Самый древний держал в руках инок псковского Пантелеймоновского монастыря, который в 1307 году в своей приписке к книге «Апостол» процитировал автора Игоревой песни. Другой список знал, по-видимому, наизусть поэт, создавший «Задонщину», красочную повесть о Куликовской битве. Поздний список XVI века напечатал в 1800 году его владелец А. И. Мусин-Пушкин.

А сколько списков погибло! Иван Грозный в послании к Стоглавому собору (съезду церковников) призывал бороться против книг «богомерзских», «еретических», «отреченных». Выполняя его волю, ревнители православия уничтожили немало ценных памятников древней литературы. Не миновало этой участи и «Слово», задевшее слуг царя за живое.

Удивительный подлог сделали в Степенной книге ее составители митрополит Макарий и протопоп Андрей. Восхваляя одного из предков Грозного, Всеволода Большое Гнездо, они приписали ему чужой победоносный поход на половцев (на самом деле его возглавлял Святослав Киевский), а затем добавили еще и выдумку о том, как после разгрома полка Игорева Всеволод будто бы отправился в степь и вызволил несчастных пленников!

Автор «Слова» упрекал Всеволода за равнодушие к судьбе Киевской Руси, которой правил некогда его отец Юрий Долгорукий: «Великий княззь Всеволод! Не думаешь ли ты прилететь издалека отчий золотой стол поберечь?» Используя почитаемый сан летописцев (им, естественно, охотней верят, чем поэтам), Макарий и Андрей выдумали несуществовавшие походы Всеволода на половцев, чтобы представить автора «Слова» сочинителем небылиц и клеветником.

Но, может быть, они отвечали кому-нибудь другому? О поражении русских в поэме сказано: «и великое буйство подасть Хинови» («и большое ликование доставили половцам»). «Хинови» в значении «половцы» употребляет только автор поэмы, другим памятникам XII века и летописям это слово неизвестно. А в Степенной книге, не сознающейся в знакомстве с древним произведением, неосторожно сказано, что победа над русскими придала «буйство Хиновскому отродью». Эту чуть ли не буквальную цитату из «Слова» следует считать весомым аргументом в полемике.

Итак, трагедия, разыгравшаяся на берегах Каялы, спасенная от забвения великим песнетворцем, четыре века спустя ввела во грех святых отцов, толкнув их на богопротивное искажение истины.

Но наиболее убедительные доказательства подлинности поэмы содержатся в ней самой. Вчитайтесь в ее текст, и перед вашими глазами пройдут многие факты биографии гениального поэта Древней Руси.

ИСПОВЕДЬ БОЯНОВА ВНУКА

Нет, автор «Слова» не внук Бояна по крови, но он его продолжатель на поэтическом поприще. Другие времена — другие песни. Заимствуя у Бояна искусство образных сравнений, певец конца XII века описывает события реалистически, с солидной долей критики.

Многие ученые, в том числе академик Б. А. Рыбаков, считают, что автор «Слова» принадлежал к старшим дружинникам, был боярином. Текст поэмы подтверждает это. Поэт не только знаток всех видов оружия своего времени, страстный любитель аристократической соколиной охоты, человек, хорошо знавший всех крупных князей и взаимоотношения их между собой. Он еще и богатый землевладелец, не раз наблюдавший, как молотят хлеб и веют зерно, использующий в своем хозяйстве рабский труд. Цена на рабов ему не безразлична. Если бы великий князь Всеволод воевал с половцами, рассуждает он, «то была бы чага (невольница) по ногате, а кощей (раб) по резане». Это мелкие монеты, рабы продавались бы дешево.

Где рос автор «Слова»? По его восхищению степными картинами, детство поэта прошло в других местах. Для степняка долгие утренние и вечерние зори, свист сусликов, стук дятлов в лесах близ рек, обильная ночная роса, далеко разносящийся скрип телег — явления обыденные, не привлекающие внимания. Для жителя лесов это все внове. Долго не оседала пыль, поднятая несметными ордами половцев, окруживших русские полки. И это зорко подметил автор.

Есть и еще одна примета. Цитаделью христианства был Киев со множеством церквей и монастырей. К концу XII века, по данным

летописей, православие победило во всей Руси, островки язычества остались только в труднодоступных местах, «по украинам». Автор — явный провинциал из лесной глуши. С его уст то и дело слетают имена языческих богов и духов. Но признает он и христианского бога. Такое двоеверие в лесных областях России сохранялось даже в XVII веке и позже.

Затерявшиеся в дремучих лесах города и селения подчинялись княжеской власти чисто номинально. Их жители имели большую свободу в выборе рода занятий и места службы. Будущий поэт стал дружинником. У кого? Об этом тоже сказано в поэме.

В перечисление могущественных властителей тогдашней Руси неожиданно вклинивается упоминание скромных сыновей Глеба Рязанского с лестным эпитетом «удалые». Они были вассалами Всеволода Большое Гнездо, который помыкал ими, как хотел. Поэт с горечью говорит, что Всеволод может «посуху живыми шереширами (огненными стрелами) стрелять, удалыми сынами Глебовыми». Вот таким живым метательным снарядом был, очевидно, немало лет и автор «Слова», участвуя в походах рязанских князей за интересы Всеволода, любившего загребать жар чужими руками.

А затем служба у Игоря, злосчастный поход, плен. В поэме есть строки: «Что мне шумит, что мне звенит давеча рано пред зорями. Игорь полки возвращает, ибо жаль ему мила брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали знамена Игоревы». Это самый драматический момент битвы. Ковуи (легкая кавалерия из оседлых кочевников) и часть дружинников бросились бежать, надеясь вырваться из окружения. В это время Буй-Тур Всеволод уже с трудом отбивался от многочисленных врагов. Игорь, раненный в руку, помчался за беглецами, но задержал лишь горстку и на обратном пути был взят в плен. Скоро сдались и остальные русские воины.

Автору поэмы, участнику битвы, за несколько часов до рассвета снится этот финал сражения. А как он описывает пленение Игоря? Ни в одной летописи нет такой подробности: «Тут Игорь князь пересел из золотого седла в седло рабское». Это, конечно, поэтический образ. Но это и регистрация реального факта. Князю не могли связать руки и бросить его в телегу. Чтобы он не пытался убежать, его пересадили с резвого скакуна на разбитую обозную клячу.

Почему-то все исследователи поэмы, словно сговорившись, считают, что написал ее немолодой, умудренный жизнью человек. Это заблуждение. Разве может старик угнаться за ловчим соколом, разве бывает в старости такая свежесть восприятия природы? Говоря о половецких набегах, о чинимом ими зле, автор нигде не называет оставшихся без поддержки дряхлых стариков, безутешных матерей, малых сирот. Поэт пожилого возраста не мог бы пройти мимо этой темы.

В «Слове» женщина выступает исключительно в роли любящей подруги. Вспомните плач русских жен по своим милым ладам (мужьям), которых им уже не видеть и от которых не получать в подарок золотых и серебряных украшений. В стане врагов «готские красные девы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом».

После успеха в первой стычке с половцами победители, «рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких». Буй-Тура Всеволода поэт упрекает, что он в азарте боя забыл ласки и повадки «своей милой жены прекрасной Глебовны». Ярославна в знаменитом плаче горюет только о муже, не интересуясь участью двух своих юных сыновей, также томящихся в плену, и других своих меньших детей, оставшихся без отца. Здесь перед нами круг чувств молодого человека.

Для автора «Слова» деды — далекое прошлое, а внуки — современность. Сведения о дедовских временах он получал скорее всего из песен Бояна, сказок и летописей. Между этими двумя эпохами у него разрыв, мертвая зона.

Отец северских князей Игоря и Всеволода Святослав Ольгович умер в 1164 году. В 1159 году совместно со Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславичем (оба персонажи «Слова») он прогнал половцев, которых привел на Чернигов князь Изяслав Давыдович. Эпизод очень выигрышный, показывающий силу единства князей в борьбе с кочевниками. Но автор поэмы о нем молчит: очевидно, не знает, ибо был в ту пору ребенком и рос вдали от этих мест.

При определении возраста поэта М. В. Щепкина в статье «О личности певца «Слова о полку Игореве» исходит из предположения, что он был родным внуком Бояна и мальчиком перенимал песенные приемы деда. Для этого ей приходится превратить Бояна в долгожителя, а автора поэмы состарить. По моей оценке, поэту к моменту похода Игоря на половцев было не больше 35 лет.

НЕЗНАКОМЕЦ СНИМАЕТ МАСКУ

Когда было сложено «Слово о полку Игореве»? Возможно, Игорь бежал из плена в том же 1185 году. Самые нетерпеливые и объявляют эту дату временем создания поэмы. Но тогда нельзя объяснить, откуда автор заранее знал о предстоящей женитьбе Владимира Игоревича на Кончаковне и их отъезде («не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы»), нелогична и здравица в честь князей и дружины, находившихся еще в плену. Тут естественней услышать пожелание им освобождения из неволи.

Другие ученые считают, что «Слово» написано в период 1223—1236 годов. Поражение на Калке будто бы вызвало в памяти неудачу Игоря, и родилась поэма, зовущая русских князей к единению накануне татарского нашествия. Вот только какой смысл звать умерших, а не живых?

Весной 1187 года русские полки обратили в бегство половцев, отплатили за Каялу. К концу сентября вернулась из плена большая часть воевод, дружины и ополченцев. Объявлено о свадьбе Владимира Игоревича и Свободы Кончаковны. В стане северских князей царит веселье, съезжаются на пир гости. Трудно придумать лучшую обстановку для появления на свет поэмы, изображающей всеобщее ликование: «Страны рады, города веселы».

Кто написал «Слово»? Этой загадке почти 200 лет. Особняком от других стоят в древнерусской литературе два произведения, тесно связанные между собой: «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». В «Слове» выделяют прямые цитаты и переделки из песен-слав «соловья старого времени», поэта и музыканта XI века Бояна. Подсчитано, что в «Задонщине» имеется 70 заимствований из «Слова». Автор «Слова» неизвестен. А теперь я задам «наивный» вопрос: кто сочинил «Задонщину»?

Н. К. Гудзий, знаток литературы русского средневековья, в вузовской хрестоматии разъясняет: «Автором ее, судя по заглавиям двух ее списков, был брянский боярин, впоследствии священник в Рязани, Софония». Если б так было! Указания шести списков поэмы разноречивы, облик Софонии неясен, биографии у него нет.

Начнем с языковых сомнений. Если автор «Задонщины» вырос в Брянске или Рязани, в его речи должны где-то проскользнуть местное слово, выражение. Подобные южнорусские диалектизмы в тексте списков не обнаружены. Напротив, мы встречаем типичное для москвича неразличение «о» и «а» в предударном слоге (пишется: Мамай и Момай, Андреевич и Ондреевич, навгородцкие и Новегороде), так называемое отраженное аканье, когда вместо «а» ошибочно пишется «о» (зонесет, зоградити). Продиктуй я современному московскому школьнику младших классов «Задонщину», он сделал бы такие же орфографические ошибки.

Рядом с литературным «молнии» в тексте встретилось и московское просторечное «молыньи». В столице так, пожалуй, сейчас уже никто не скажет, но в современном «Словаре говоров Подмосковья» подобный локализм приводится как живое явление. Русские из южных областей, судя по фольклорным записям, произносили это слово как «маланьи».

В поэме восемь раз упомянута Москва, дважды река Москва, трижды эпитет «московский». С именем-отчеством даются погибшие московские бояре, по имени называются их жены. От других земель приводится только число погибших. Москва в поэме белокаменная, могучая, славная, сильная. Первый эпитет доныне в употреблении у коренных москвичей.

Московские пристрастия автора заходят еще дальше. В «Слове» Боян воспевает трех князей, из которых лишь один — предок Дмитрия Донского. В «Задонщине» и этих двух заменяют на предков Донского.

Подозрения, что автор — москвич, высказывались и раньше. Некоторых смущает то, что Московская земля дважды названа Залесской, а это характерно для немосквичей. Те свое княжество называли будто бы только Русской землей. Но в поэме говорится о «всей земли Руской», о воинах разных княжеств. Автор избегал путаницы терминов.

Другое дело, чем объяснить умолчание об измене Олега Рязанского и одновременно — сообщение о семидесяти павших в битве рязанских боярах — больше, чем от любого другого княжества. Но разве измена Олега доказана? А. Г. Кузьмин в книге «Рязанское летописание» сообщает, что в записях, современных Куликовской битве, нет улик против Олега. По его убеждению, все это позднейший вымысел врагов Рязани.

Что касается цифры «семьдесят», то она никем не опровергнута. Массовое участие рязанских бояр в Куликовской битве — еще одно доказательство вымысла измены князя Олега Ивановича. Ведь без его согласия лишь единичные дружинники отважились бы присоединиться к Дмитрию.

Итак, никакого специфично брянского или рязанского патриотизма мы в «Задонщине» не установили. Зато здесь бросается в глаза патриотизм московский и общерусский. Таковы последствия «наивного» вопроса.

В трех списках «Задонщины» мы встречаемся со странностью, которая давно озадачивала ученых. Автором поэмы считается Софония, а в тексте ее после похвалы Бояну и перечисления князей, которым он пел свои славы, читаем: «Аз же помяну резанца Софония», или «И я же помяну Ефония ерея резанца в похвалу песньми и гуслеными и буяни словесы», или «И здеся помянем Софона резанца». Не могли три переписчика, копировавшие разные рукописи, жившие в разное время и в разных местах, сговориться и одинаково вставить упоминание Софония в свои тексты.

ЭТА ПОХВАЛА БЫЛА УЖЕ В ОРИГИНАЛЕ!

Автор «Слова» величает своего предшественника Бояна, у которого он почерпнул немало изобразительных средств для поэмы. Автор «Задонщины» занимается самовосхвалением. Это непонятно. Логично было бы отдать должное певцу «Слова», у которого он взял столько ярких красок для своего произведения. Неужели такая естественная мысль никому до сих пор не приходила в голову? Академик М. Н. Тихомиров, считая, как и все, создателем «Задонщины» Софонию, заметил вскользь: «...если только имя его не было надписано на Слове о полку Игореве, которым воспользовался автор Задонщины, приписав ему составление этого Слова, откуда были взяты гусленые и буяные словеса».

Всего лишь приписал... Другие ученые и на это не отважились. Они выдвинули версию о том, что Софония якобы сочинил по горячим следам события некую краткую похвалу Дмитрию Донскому (даже и заглавие ей придумали: «Поведание»), а уж потом неизвестный поэт развил ее в «Задонщину». Вот, мол, за «Поведание» и поминают Софонию в «Задонщине».

Смело перешагнем запретную черту и предположим, что автором «Слова» был Софония. Самые первые переписчики «Задонщины», современники поэмы, знали о Софонии меньше, чем о древнем Бояне. Про того хотя бы сказано, что он был горазды́м гудцом в Киеве. Род занятий Софонии неизвестен. Поначалу его, вероятно, называли просто Рязанцем. Более поздних переписчиков это не удовлетворило, и некоторые добавили «старца» (монаха), другие — «иерея» (священника). В том списке «Задонщины», где Боян перевран в Боюна, Софония написан как Ефония. Для переписчиков оба они фигуры одинаково легендарные.

В единственном историческом документе — Тверской летописи — наш незнакомец приводится под именем «Софония Резанца, брянского боярина». Прозвище Рязанец и здесь неотделимо от Софонии. Но как сочетать его с боярином да еще брянским? Что первично, Рязань или Брянск? Между учеными идет бесконечный спор, в ходе которого В. Ф. Ржига сделал Софонию рязанским боярином из крещеных татар!

Вариант мой проще. Во второй половине XII века Софония, боярин из Брянска, где не было тогда княжеского стола, отправился служить удалым рязанским князьям и отсутствовал достаточно долго, чтобы по возвращении получить прозвище Рязанец — совсем как позднее москвич Толстой, прослывший Американцем. Но вырос Софония и возмужал в Брянске.

Все исследователи отмечают независимость автора «Слова» от сильных мира сего, смелость упреков, которые он бросает могущественным владыкам. Брянск не имел своего князя, а черниговскому подчинялся больше условно. Ездить через глухие Брянские (Брынские) леса в Вятичи редко кто решался. Молодой Мономах, дважды проделавший такой путь, записывает это себе в заслугу. Все же показательно, что из всех упреков самый мягкий сделан Ярославу Черниговскому.

По мнению специалистов, древнерусский язык в XII веке состоял из восьми диалектов, одним из которых был чернигово-северский. На нем говорили жители Чернигова, Новгорода-Северского, Путивля, Трубчевска, Рыльска, Курска, Брянска, ряда других городов и селений. В поэме зафиксировано свыше ста пятидесяти слов этого диалекта. Если учесть, что последние переписчики «Слова» были, вероятно, новгородцами и псковичами, то в оригинале южнорусских диалектизмов было еще больше. Часть из них подверглась замене. Значительно живучей диалектные фразы и выражения.

Храбрый брат Игоря Всеволод в пылу боя забыл все на свете, в том числе своей красавицы жены «свычаи и обычаи». Глубокий зна-

ток «Слова» В. П. Адрианова-Перетц указывает, что такое сочетание больше в памятниках не встречается, что это тавтология: «свычай-обычай». Она приводит примеры, когда «обычай» заменяли на «свычай», но случаев совместного применения не знает. Между тем современные брянчане желают молодоженам: «Совет вам да любовь, свычай и обычай», желают по традиции, унаследованной от предков.

Есть в поэме фраза о князе Всеславе, который «волком рыскал», а дальше даже в переводе дают: «из Киева до петухов дорыскивал Тмуторокани». Слова «дорыскивать» не было в литературном языке XII века, нет и сейчас. Нынешние брянчане могут сказать: «Дорыскай до бригадирки», то есть добеги. Думаю, что и «рыскать» употреблено автором в диалектном значении «бежать», поскольку речь идет о скорости передвижения.

Фразу «смагу людем мычючи в пламяне розе» переводят: «размыкивая огонь людям в пламенном роге» (Д. С. Лихачев), или «мыкая жар в пламенном роге» (Ф. М. Головенченко). В литературных памятниках той поры «смага — огонь». Но брянчане и сейчас говорят: «Смагу мыкал горемыкий, денной пищи не имел». Получаем: «Горе людям неся в пламенном роге».

Голгофой для переводчиков стало место в «Слове», где говорится, что, заслышав звон стремени задиристого Олега Гориславича, «сын Всеволожь Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове». Предлагали здесь: и затыкал себе уши, и закладывал какие-то неведомые проушины в стенах, а в монографии А. С. Орлова «Владимир Мономах» текст «подправлен» так, что выходит, будто бы Олег шел походом на отца Мономаха мимо Чернигова, а сын прикидывался глухим, предавал отца.

Из-за беспомощности переводчиков в нелепом виде представал честный, мудрый и храбрый Владимир Мономах, совершивший 83 похода — почти вдвое больше, чем Карл Великий. Но старые переписчики понимали это именно как издевку певца князей Ольговичей над их противником Мономахом. На Брянщине же до сих пор бытует выражение «ухи закладать», что значит просто запираться на замок, продевать его в уши ворот. Осмотрительный полководец, Мономах при известии о неожиданном нападении Олега запирался в крепости, чтобы организовать оборону.

Я ограничился всего несколькими из большого числа примеров, которые приводит применительно к «Слову» исследователь брянских говоров В. А. Козырев. Эти диалектные выражения были в оригинале. Переписчики из других княжеств, понимая их по-своему, ничего не стали менять.

Анализ закончен. Я утверждаю, что «Слово о полку Игореве» написал в 1187 году брянский боярин София Рязанец. К «Задонщине» он не имеет никакого отношения. Теперь надо искать ее автора.

ОТКРЫВАЙТЕ ОТКРЫТОЕ!

Я не рассказал, где и кем переписывалось «Слово», как попали в него события, случившиеся уже в XIII веке, почему в нем встречаются украинизмы и многое другое,— в одной статье нельзя объять необъятное.

Ученые мечтают о старинной рукописи поэмы. Легендами оказались «ватиканский» и «олонецкий» списки. Канул в неизвестное сборник «Гранаграф», содержавший список «Слова» начала XVI века. Поиски в монастырях ничего не дадут: поставленное одним из переписчиков-монахов в конце полуязыческой рукописи благочестивое «аминь» ее не защитило. Еретический текст соскабливали или смывали, а поверх писали что-нибудь богоугодное из арсенала церковных поучений.

От Руси XI—XIV веков до нас дошло полторы тысячи манускриптов. Часть из них — палимпсесты, то есть написанные по стертому тексту. Где чернила смывали, на пергаменте сохранились царапины от пера. Средствами современной криминалистики первичный текст можно воскресить. Вот путь, который подсказывает нам наука для открытия хотя бы фрагментов «Слова о полку Игореве», а заодно и других древних произведений.

ОПТИМИЗМ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ

А. ГОЛИКОВ

Международный аэропорт Шереметьево в Москве — начало воздушных дорог из нашей страны во все концы планеты. Здесь имеют свои представительства крупнейшие авиакомпании мира, и среди них — западногерманская Люфтганза. Ее самолеты летают в десятки стран всех континентов.

— Первый регулярный рейс из Франкфурта-на-Майне в Москву мы выполнили в феврале 1972 года,— рассказывает заместитель генерального представителя Люфтганзы в СССР господин Хельмут Пошманн.— С тех пор сотрудничество с Аэрофлотом неуклонно крепнет и развивается. Сейчас можно в любой день недели улететь из ФРГ в Москву либо на самолете Люфтганзы, либо на самолете Аэрофлота.

Известно, что деловое сотрудничество в значительной степени зависит от политического климата. Посещение ФРГ в 1973 году Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым значительно улучшило этот климат. Тогда был подписан дополнительный протокол к соглашению о воздушном сообщении между нашими странами. Люфтганза и Аэрофлот стали летать по транссибирскому маршруту: Франкфурт-на-Майне — Москва — Токио. Сейчас эта линия работает с хорошей коммерческой загрузкой.

Прибыль, получаемая на совместно обслуживаемых маршрутах, делится поровну, а билеты обеих авиакомпаний действительны без передаточной надписи. Это значит, что пассажир может сам выбрать, на каком самолете ему в данном случае удобнее лететь: Люфтганзы или Аэрофлота. Работа с Аэрофлотом не только выгодна, но и приятна. Все вопросы, возникающие между авиакомпаниями, решаются быстро, по-деловому, при полном взаимопонимании.

Еще очень важные обстоятельства: общеэкономический спад, который охватил западные страны, не повлиял на доходы нашего пула с Аэрофлотом. Прибыли из года в год возрастают. В ФРГ летят представители советских торговых и промышленных организаций, в СССР наносят визиты представители наших фирм, происходит обмен стажерами, устраиваются взаимные выставки образцов продукции, различные симпозиумы, туристические поездки и так далее. Все это образует для нас так называемый пассажирский поток. Он не скудеет и наверняка будет еще больше. Залогом тому встреча на высшем уровне, встреча наших руководителей.

— Что вы ждете от нее?

— Конструктивного подхода к решению всех сложных вопросов, упрочения мира в Европе и дальнейшего развития всестороннего сотрудничества между нашими странами. Этого ожидает большинство моих соотечественников. Сейчас произведет посадку самолет Люфтганзы из ФРГ. Среди прибывающих мои знакомые. Побеседуйте с ними.

Я воспользовался любезным предложением и, пока соблюдались таможенные формальности, взял короткое интервью. Деловым людям задал один вопрос: каков коммерческий интерес их фирм в Советском Союзе?

Первым ответил директор постоянного представительства концерна «АЭГ-Телефункен» в Москве господин Герхард Шлипхаке.

— Наш электроконцерн, третий по величине в Европе, всегда придавал большое значение деловым связям с Советским Союзом,— сказал директор.— После нормализации отношений между нашими странами они успешно развиваются. Сейчас мы осуществляем несколько весьма крупных заказов стоимостью в сотни миллионов рублей. «АЭГ-Телефункен» поставляет газотурбинные установки, компрессоры и приборы автоматического управления для газопроводов и некоторое другое оборудование, заказы на которые представляют для фирмы большой интерес. Компания «Олимпияверке АГ», входящая в концерн, проектировала завод пишущих машинок в Кировограде и поставляет для него оборудование.

«АЭГ-Телефункен» не только поставщик, но и покупатель. Мы, в частности, приобретаем в СССР специализированные автомашины, предполагаем покупку мощных генераторов для ФРГ и других западных стран.

Деловые отношения с советскими партнерами у нас хорошие. На их дальнейшее развитие мы смотрим оптимистически. Большие надежды возлагаем на встречу в верхах. Надеемся, что она принесет положительные результаты и даст новый импульс развитию международных экономических связей.

Отвечает господин Август А. Шёллер. Он заведует постоянным представительством концерна «Клёкнер» в Москве.

— Наш концерн традиционно поставляет в Советский Союз листовую сталь для автомобилей, стальные трубы. Но теперь это не главное. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев на XXV съезде говорил о новых формах внешнеэкономических связей, которые дают наибольший эффект для обеих сторон. Это компенсационные соглашения. Фирма предоставляет для строительства нового предприятия кредиты, оборудование, лицензии, а в уплату получает часть продукции, которая будет производиться на этом или других предприятиях. Вот на такой основе концерн «Клёкнер» участвует в строительстве химического завода в Саянах. Контракт на сумму сто пятьдесят миллионов марок. Второй химический завод на той же основе строится в Перми. Считаем такие соглашения весьма выгодными. Они позволяют на годы вперед планировать производство, обеспечивают его стабильность и занятость рабочей силы. Концерн «Клёкнер» не пожалеет усилий, чтобы еще получить подобные контракты.

Наши отношения с советским партнером складываются наилучшим образом. Теперь мы хорошо знаем друг друга, а отсюда взаимное доверие. Заключение первого контракта длилось целый месяц. Скрупулезно оговаривали каждый пункт, каждую букву. А второй контракт был подписан за одну неделю. Сейчас в связи с объявленным визитом Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в ФРГ мы надеемся на дальнейшее улучшение политического климата в Европе, еще большее развитие коммерческих связей.

к 4-й обложке

ОТКРЫТИЕ РАДОСТИ

Не по дням, а по часам растет Северная Магнитка, город строителей и металлургов — Череповец. И столь же стремительно растут здесь самые разнообразные творческие коллективы, все до одного созданные силами самодеятельности.

С неизменным успехом выступает перед юными жителями Череповца горячо любимый ими кукольный театр при Дворце культуры строителей. Живая, веселая деятельность этого коллектива вызвана к жизни неусыпными стараниями режиссера-энтузиаста Надежды Александровны Ефимовой. Справедливо считает она, что подлинное формирование детской души начинается лишь тогда, когда ребенок научится дарить радость другим людям — и своим сверстникам и взрослым.

Обширный репертуар театра требует от ребят большого труда. Мало знать текст «героев»-кукол; мало научиться исполнять этот текст так, как требует сказка; надо еще изготовить и все атрибуты, все сложное хозяйство, необходимое для спектаклей. Что ж, самодеятельные кукольники Череповца освоили и это нелегкое искусство.

Старшие ребята — «ветераны» кукольной сцены, руководимые Н. А. Ефимовой, теперь уже сами пробуют создавать свои маленькие театры-студии в школах Череповца. О них тоже знают и в подшефных селах и даже в Вологде.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото М. САВИНА

Хоккей-М

Валерий Харламов и Александр Мальцев.

Валерий ХАРЛАМОВ,
заслуженный мастер спорта

КАК НАЧАЛИСЬ ЭТИ ЗАПИСКИ

Я никуда не спешил.

Но грузовик, едущий впереди, катился вызывающе медленно. Он мне даже успел надоесть, этот грузовик. И я решил обойти его. Включил мигалку поворота и взял чуть левее. Увидел идущую навстречу грузовую машину, подумал, что легко проскочу между двумя грузовиками, только добавлю скорость. И в ту секунду, когда я нажал педаль газа, из-за мчащейся навстречу машины показалось такси.

Видимо, мы в одно мгновение ударили по тормозам.

Резина на задних колесах моей «Волги» была уже почти «лысой». Машину повело резко влево и швырнуло на столб...

Вот так и началась эта рукопись.

Почти так. Потому что в первые две-три недели пребывания в госпитале (у меня были перебиты ноги и сломаны два ребра, у Иры, жены, ноги тоже оказались в гипсе) практически не было свободного времени. То, что работники ГАИ называют ДТП — дорожно-транспортным происшествием, вызвало, к моему изумлению, какой-то необычный интерес у приятелей, знакомых, полузнакомых и вовсе не знакомых мне людей. Скучать не приходилось: какими бы строгими ни были порядки в госпитале в Лефортове, заборы, как известно, для того и возводятся, чтобы в них всегда были щели. Анатолий Фирсов пояснил мне едва ли не с гордостью, что к нему много лет назад таким путем проникала сюда жена. Но на пальму первенства претендует и другой знаменитый хоккеист, Владимир Лутченко: его усилиями решетка была раздвинута настолько широко, чтобы мог пролезть человек, обладающий габаритами этого могучего защитника.

Потом возникли слухи. Первые оказались неинтересными — Харламов был навеселе (как вариант — пьян) и потому попал в автокатастрофу. Затем фантазия начала разыгрываться. Оказывается, я вез в машине Александра Якушева с женой, и спартаковец тоже пострадал — а у Саши ни разу пока не было случая сесть в мою машину. Дальше — хуже. Речь шла уже не о травмах, а о самом печальном. Говорили, что разбился вместе со мной другой игрок ЦСКА и сборной страны, Геннадий Цыганков. Удивительно, но находились даже очевидцы трагедии.

Потом о моих неприятностях рассказал «Советский спорт».

Слухи поутихли.

Поток посетителей превратился в ручеек. Дыру в заборе заварили.

Я уже начал было готовиться к выходу из госпиталя...

12 августа, когда из Свердловска транслировали матч двух моих команд — ЦСКА и сборной Советского Союза, телекомментатор сообщил, что через две недели врачи меня выпишут.

А утром в тот день мне снова наложили гипс на правую ногу, сказали, что снимут не раньше чем в начале сентября.

Многое вспомнилось в тот печальный вечер, и конечно же, «Суперсерия-76» — матчи с канадцами и американцами, сыгранные в самом конце декабря 1975 года и начале января года нынешнего. И особенно ясно и четко «прокручивался» передо мной — по минутам — последний матч «Суперсерии», с клубом «Филадельфия Флайерс».

И вот вместо того чтобы хандрить, я решил поделиться воспоминаниями с другом-журналистом, взявшим на себя литературную запись, ведь это было равносильно тому, чтобы вопреки всем запретам врачей выйти на лед.

ВСТРЕЧА С ПИТОМЦАМИ ФРЕДА ШИРО

Игра началась как обычно. Как и другие поединки этой «Суперсерии». Соперники сразу ринулись к воротам Владислава Третьяка. Это был не прессинг, это была тактика силового давления. Хоккеисты «Флайерса» старались сразу же запереть москвичей в их зоне, перекрыть все возможные направления контратаки, не выпускать шайбу из зоны ЦСКА. Хозяева льда не скрывали своей цели — подавить, смять, сломить волю соперника, ошарашить его, не дать ему осмотреться, разобраться в происходящем. На ворота Третьяка обрушился град шайб. Наш вратарь постоянно в игре, у него нет ни секунды передышки. Трибуны ревут, подбадривая своих, а хоккеисты Филадельфии волна за волной накатываются на наши ворота. Во что бы то ни стало стремятся они немедленно добиться успеха, как было это четыре года назад, в 1972 году, когда шайба в ворота сборной СССР влетела на тридцатой секунде первого периода.

Мы ждали такого начала и были готовы к нему.

Но «Флайерс» играл не так, как наши предыдущие соперники «Нью-Йорк Рейнджерс», «Монреаль Канадиенс» или «Бостон Брюинз». «Флайерс» играл иначе.

Это была психическая атака.

«Флайерс» умеет играть. Там немало хороших хоккеистов, в том числе и блестящий Бобби Кларк. Но в эти минуты шайба едва ли интересовала многих игроков этой команды. Главным было иное — кого-то задеть, кого-то ударить, кого-то запугать, снести с ног. Случалось, что шайба была в одном углу площадки, а нашего хоккеиста атаковали в другом. Трещали борта, шайба металась от хоккеиста к хоккеисту, кто-то с ходу врезался в опекуна, швырнул его на лед. Азарт увлекал и зрителей, те, в свою очередь, еще и еще подстегивали своих любимцев.

Вот как описывает матч газета «Вашингтон пост». «Когда Бобби Кларк и Дейв Шульц врезались в Третьяка, поймавшего шайбу, Борис Михайлов жестом выразил недоумение, и Шульц просто сунул кулак в лицо Михайлова. Салески ударил Александра Волчкова после свистка судьи, зафиксировавшего положение «вне игры». Барбер грубо атаковал Алексея Волченкова и локтем ударил Валерия Харламова».

Добавьте к этому, что на первых же минутах упоминавшийся уже Дон Салески с размаху всадил клюшку в живот нашему молодому защитнику Владимиру Локотко. Не мысль царила на площадке, не скорость, управляемая тактическими построениями. Царил напор, сливающийся с террором.

От хоккея здесь ничего уже не оставалось.

Мы утратили часть своей сыгранности, были оглушены, в какой-то мере озадачены, но не испуганы. Я решительно убежден: главной своей цели соперники не достигли — испуганы мы не были. Я знаю своих партнеров, знаю, как выглядят, как действуют они в той или иной критической ситуации, и потому с уверенностью говорю, что даже молодые не были напуганы.

Судья Ллойд Жильмор удивил нас, несомненно, еще больше, чем хоккеисты. Сорокапятилетний ветеран, судивший сотни матчей профессионалов, сделал вид, что впервые видит хоккей и совершенно не понимает, что к чему. Нас били, и нас же удаляли с поля. Прошло десять минут, и мы дважды оставались на площадке вчетвером. Однако воспользоваться численным превосходством соперники не сумели.

Старший тренер ЦСКА Константин Борисович Локтев готовил нас к подобному судейству, призывал перед матчем ничему не удивляться, но такого... Такого судейства представить себе не могли ни мы, ни наши тренеры. Роберт Фаше, обозреватель газеты «Вашингтон пост», писал, что судья давал свистки лишь в случаях особо опасных нарушений правил. Но в истолковании этого судьи такими нарушениями являются только те, что уже граничат с убийством.

...оя стихия

А потом рефери, наконец, удалил и хоккеиста из команды Филадельфии. Мы начали атаку, шайба попала ко мне, я стал было набирать скорость, как вдруг... жуткий удар, и перед глазами пошли зеленые круги. Упал на лед. Пришел в себя не сразу. Это был нокдаун. Неожиданный, мерзкий. Подлый нокдаун: соперник ударил меня кулаком, в котором была зажата клюшка, сзади.

Хоккей игра не для трусливых. Удары, ушибы, подножки для меня не новость. Бьют меня нередко. В разных матчах. А первая в моей жизни хоккейная травма случилась на тренировке. В 1962 году, когда мне было четырнадцать лет.

Наша команда тренировалась со старшими ребятами. Упражнения выполнялись в потоке. Хоккеист в одну сторону катится с шайбой, а обратно возвращается вдоль борта без шайбы. И вот разогнавшись, я столкнулся с другим юным хоккеистом. Очнулся в медпункте. Лицо было поцарапано. Мама решила, что я дрался, а когда узнала, что ударился об лед, запретила ходить на хоккейные тренировки. Но папа встал на мою сторону, и я продолжал играть.

А мама с тех пор на каждый матч провожает меня с опаской. На хоккей она не ходит. Боится. Исключение — два матча в году. Первый — в день открытия сезона. Мама приходит «на счастье», чтобы меня не били, чтобы все было в новом хоккейном году хорошо. А весной приходит на последний матч ЦСКА: «Слава богу, все кончилось благополучно!»

Когда я женился, мама была очень рада:

— Теперь Ира тебя будет провожать на игру. Мне немного легче будет...

Но какой же хоккей без травм? К ударам я привык. Однако все же не к таким, как в матче в Филадельфии.

Мы думали, что Эд ван Имп, снесший меня боксерским ударом, будет наказан. Но судья не удалил соперника до конца игры. Не наказал он его и большим, десятиминутным штрафом. Не отправил Жильмор ван Импа на скамью штрафников даже и на две минуты. Но зато дал две минуты... нашей команде. За то, что, по его мнению, Локтев затягивает игру. О том, что мне нужно прийти в себя, судья как-то не подумал.

И тогда мы покинули лед.

У Константина Борисовича, я убежден в этом, не было в сложившейся ситуации другого выхода. В конце концов тренер отвечает не только за нашу тактическую или техническую подготовку, но и за здоровье. За то, чтобы не стали мы инвалидами.

Ван Имп сказал после матча, что он ударил меня нечаянно, а уже упоминавшийся обозреватель Роберт Фаше писал, что ни этот, ни другие прискорбные эпизоды не были, конечно же, случайными.

Матч был безнадежно испорчен.

Во время вынужденного перерыва снова говорилось, что это не хоккей, что такая манера ведения боя абсолютно противоречит условиям договора, хоккеистов «Флайерса» призывали играть в рамках правил, не знаю, соглашались ли те, видимо, соглашались, но перестроить себя они не могли. И когда матч возобновился, мало что изменилось в игровом «почерке» хоккеистов «Флайерса». Едва ли можно пересмотреть сразу взгляды на хоккей, ту форму подготовки к матчу, что заняла не дни или недели, а месяцы и годы.

Все уговоры, если они и были серьезными, велись впустую. Ибо это был особый, с точки зрения деятелей клуба из Филадельфии, матч, и подготовка к нему велась заранее и в определенном ключе.

Когда мы прилетели в Филадельфию, то автобус встречал нас прямо у трапа, а вокруг собралось превеликое множество полицейских машин. Там были люди и в форме и в штатском. И с этой минуты полицейские не отходили от нас ни на минуту.

Они сопровождали нас буквально повсюду. В отеле мы разместились все на одном этаже, и первую комнату занимали полицейские. Дверь к ним была постоянно открыта, и охрана видела, кто входит, кто выходит из лифта, и если кто-то из ребят собирался пройтись по городу, то об этом следовало предупредить полицию. «Ангелы-хранители» неизменно следовали за нами на небольшом расстоянии. Потом нам объяснили, что охрана необходима, ибо Филадельфия — один из центров сионизма и здесь возможны любые провокации, но, согласитесь, что с непривычки эта назойливая опека не могла не действовать на нервы и не влиять на предыгровое настроение команды.

Я вовсе не хочу сказать, что повышенное внимание полиции Филадельфии к хоккеистам ЦСКА было частью плана психологической обработки соперника. Но вот в том, что психологическая атака на армейцев была заранее продумана и спланирована, сомневаться не приходится.

Вспоминаю обед, устроенный руководством клуба.

Здесь самое время рассказать, что во время этой поездки нас перед матчами обычно знакомили с игроками, против которых нам предстояло выступать. Разумеется, часть хоккеистов мы уже знали, одних — по матчам со сборной профессионалов Канады в 1972 году, других — понаслышке. Мы читали о них в наших газетах.

Как правило, за день до матча мы обедали вместе с будущими соперниками. Такие банкеты устраивались перед поединками с клубами «Монреаль Канадиенс» и «Бостон Брюинз». Встречали нас команды НХЛ хорошо, особенно гостеприимны были руководители и хоккеисты «Монреаль Канадиенс», и нам были созданы все условия для отдыха и для подготовки к матчам.

И вот встреча с хоккеистами «Флайерса». Нас представляли друг другу со всеми титулами, и когда назывались имена москвичей, хозяева льда смотрели на каждого из нас не столько с вполне понятной в таком случае заинтересованностью, сколько с какой-то неожиданной... не могу подобрать точное слово, пожалуй, агрессивностью. Здесь было все — и уверенность в себе, и вытекающее отсюда ничуть не скрываемое ощущение собственного превосходства, и неутолимая жажда боя. Одним словом, хоккеисты «Флайерса», кажется, готовы были сокрушить, испепелить нас прямо здесь, за обеденным столом, не дожидаясь выхода на лед. Знаменитый Дейв Шульц по прозвищу «Кувалда» вроде бы даже поигрывал бицепсами, охотно демонстрируя свою могучую силу.

О том, что клуб из Филадельфии снискал себе славу самого жестокого в НХЛ (Национальной хоккейной лиге, объединяющей самые сильные профессиональные клубы Канады и США), мы, конечно же, знали еще в Москве. Запугать нас было трудно: хоккеисты — люди, привыкшие к разному, и не однажды встречались мы с откровенными драчунами. Но выводы после банкета мы сделали правильные, и ход матча показал, что мы угадали настроение соперников.

Этот поединок запомнился и тем, что зрители нас принимали хуже, чем в других городах. В Нью-Йорке, Монреале, Бостоне тамошним поклонникам хоккея очень хотелось, чтобы их команды одолели чемпиона СССР, но никакой враждебности мы не чувствовали. А здесь... Здесь мы вспомнили фразу из «Семнадцати мгновений весны»: «Все мы под колпаком у Мюллера». Выехав на разминку, мы увидели антисоветские лозунги, написанные по-русски и обращенные, стало быть, к нам, к гостям, любезно приглашенным за океан. Эти лозунги прикрепляли к прозрачным бортам, чтобы мы, проезжая мимо, разобрали все, что написано.

Во всех городах перед матчем исполнялись государственные гимны СССР и США или Канады. А в Филадельфии после нашего гимна был исполнен гимн команды «Флайерс». Очевидно, это должно было еще выше поднять энтузиазм поклонников команды.

Фред Широ, тренер команды Филадельфии, перед началом матча прислал Константину Борисовичу Локтеву карикатуру из газеты, где был изображен сам Широ с двумя здоровенными гориллами — Келли и Шульцем, с запиской: «С кем вы хотите соперничать, если в «Флайерсе» играют такие отчаянные забияки и громилы».

Келли появлялся на льду всего несколько раз, он не искал шайбу, он искал соперника и был настолько несдержан и груб, настолько далек от хоккея, что, видимо, даже партнеры опасались его. Когда Келли и Шульц рванулись к Валерию Васильеву (этот динамовский защитник в матчах «Суперсерии» выступал за ЦСКА), тот отскочил в сторону, и два игрока «Флайерса» с такой силой и страстностью врезались друг в друга, что мы просто опешили.

Чем же объясняется эта неслыханная даже в условиях НХЛ нервозность? В чем причина ажиотажа вокруг матча ЦСКА в Филадельфии? Почему вдруг и клуб и его поклонники придавали такое невероятное значение этому матчу, последнему в восьмираундовой «Суперсерии», которую провели в США и Канаде московские команды «Крылья Советов» и ЦСКА?

На том предматчевом банкете, который я вспоминал, старшему тренеру команды ЦСКА Константину Борисовичу Локтеву было задано много вопросов, и, в частности, его спросили, согласен ли он с тем, что предстоящий поединок — это, в сущности, матч на первенство мира между клубными командами. Ведь «Филадельфия Флайерс» — обладатель кубка Стэнли двух последних лет и, стало быть, сильнейшая команда Северной Америки, а москвичи — обладатели кубка европейских чемпионов, девятнадцатикратные чемпионы СССР и общепризнанный многолетний лидер хоккея на европейском континенте.

Константин Борисович ответил, что он отнюдь не склонен переоценивать значение предстоящего поединка.

— Во-первых, для ЦСКА завтрашняя игра не такое событие, как для «Флайерса», ведь это лишь один, всего лишь один матч из серии. Во-вторых, армейцы ставили себе цель выиграть не одну какую-то встречу, а всю серию в целом и цели своей уже достигли. Накануне последнего поединка в трех проведенных матчах советские хоккеисты набрали пять очков из шести возможных — выиграли у «Нью-Йорк Рейнджерс» 7:3, у «Бостон Брюинз» 5:2 и сделали ничью с «Монреаль Канадиенс» — 3:3, и потому последняя игра уже никак не влияет на общий исход всего турне ЦСКА по Северной Америке. Кроме того, у нас нет никаких оснований особо выделять игру в Филадельфии: в конце концов клуб Монреаля, семнадцатикратный обладатель кубка Стэнли, да и команда Бостона более прославленны. В-третьих, к матчу на первенство мира,— сказал наш тренер,— специально готовятся, мы же на полную мощь, с максимальной отдачей сил и нервной энергии провели все предшествующие матчи и даже потеряли в них двух центральных нападающих ведущих звеньев — Владимира Петрова и Виктора Жлуктова, а также защитника Геннадия Цыганкова, который в паре с Владимиром Лутченко в трех предыдущих матчах не позволил канадцам забросить ни одной шайбы. В-четвертых,— продолжал Локтев,— вся серия — это, в сущности, подготовка к Олимпийским играм, которые начнутся через три недели. Для любого спортсмена Олимпиада — это громадное событие, которого ждут, к которому готовятся многие годы. И, наконец,

последнее — предстоящий матч никак нельзя рассматривать как первенство мира хотя бы потому, что титул сильнейшего надо оспаривать в равных условиях — или на нейтральном поле, или в серии из четырех — шести матчей, сыгранных на льду каждого соперника.

Наши хозяева были разочарованы таким ответом. Слишком большие надежды возлагали они на этот матч, ведь победа «Филадельфии Флайерс» должна была реабилитировать профессиональный хоккей в глазах его многочисленных поклонников. Оба советских клуба — и «Крылышки» и ЦСКА — выиграли свои турне. Профсоюзные хоккеисты одержали три победы и проиграли только один матч. Мы, как я уже говорил, набрали к приезду в Филадельфию пять очков из шести возможных. И это, конечно, потрясло спортивную общественность Северной Америки. В одной газете задавался вопрос, не русские ли в конце концов изобрели хоккей. В другой, после нашей победы в Нью-Йорке, через всю страницу звучал призыв: «Отдайте им Кубок Стэнли, пусть только уедут домой!»

И вот теперь — последний шанс НХЛ.

Разумеется, мы понимали, что нам противостоит чрезвычайно сильный клуб. Разумеется, мы хотели выиграть. Но в то же время понимали, что силы наши уже во многом не те, что были накануне первого матча. В сущности, «Суперсерия» практически существовала только для «Крыльев Советов» и ЦСКА, в то время как американские и канадские клубы проводили лишь по одной игре и имели возможность заранее изучить нас, посмотреть, как мы действуем в атаке и обороне, как строим контратаку, как защищаемся в меньшинстве. Для нас же каждый соперник был загадкой, величиной неизвестной. Добавьте к этому, что в спорте успех во многом зависит от душевного подъема, от страстности, с которой борются за шайбу или за мяч соперники, и вы согласитесь, что собраться на один-единственный матч проще, нежели на четыре, сыгранных за короткое время. А ведь каждый из наших партнеров был достаточно авторитетным, знаменитым, и одолеть его нам хотелось не меньше, чем «Филадельфию Флайерс». Естественно, что к последнему матчу мы были уже весьма потрепаны, но эти потери были, так сказать, естественными, неизбежными, поскольку в хоккейной игре, даже самой корректной, может случиться всякое. А тут еще за океаном играют во многом в другой хоккей, нам непривычный, и потому накануне серии была достигнута договоренность, что матчи будут корректными, что печальные случаи, имевшие место во время встреч со сборной Канады в 1972 году и во время игр с командой Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА) в 1974-м, не повторятся.

Мы были предупреждены, что можем прекратить матч и даже прервать серию, если хоккеисты НХЛ нарушат соглашение и предложат нам вместо хоккея одну из разновидностей бокса на льду. На мой взгляд, все наши соперники до игры в Филадельфии придерживались соглашения и если случались все-таки у них отступления от договоренности, то они не носили злостного характера. И вдруг такой взрыв страстей!

Переводчик команды знакомил нас с местной печатью, с прогнозами на каждый матч и на всю серию, и мы знали, какое громадное значение придается заключительному поединку. Однако мы все же полагали, что это будет корректная игра, такая же, как в Нью-Йорке, Монреале и Бостоне. Еще накануне наших первых матчей канадская печать, обсуждая предстоящую «встречу в верхах на льду», обращала внимание на необходимость соблюдения корректного поведения спортсменов и называла самым позорным эпизод, который произошел в 1974 году во время матчей советских хоккеистов с командой ВХА, когда Рик Лей ударил меня после свистка, извещавшего о конце периода. Но я понимал, что положения прессы — одно, а канадская хоккейная практика — другое.

Я понимал, что мне будет нелегко, и заметка из «Филадельфии Дейли Ньюс», гласящая, что «в воскресенье они встретятся снова, Бобби Кларк против Валерия Харламова — ЦСКА против «Филадельфии Флайерс», говорила о многом.

В НХЛ и ВХА немало «звезд». Наша публика видела Кэна Драйдена и Бобби Хала, Горди Хоу и Фила Эспозито, Питера Маховлича и Бобби Кларка, Ги Лапойнта и Ивэна Курнуайе. Но самый знаменитый, самый сильный игрок в истории профессионального хоккея — защитник Бобби Орр. Сожалею, что я так и не увидел Орра в деле: бесконечные операции колена замучили этого выдающегося хоккеиста. Впервые против советских мастеров Бобби сыграл лишь в сентябре 1976 года, когда я по необходимости должен был остаться в Москве, в госпитале. Так вот, накануне матча в Филадельфии Кларк, вспомнив Орра, подлил масла в огонь. Он писал: «Харламов? Поскольку Бобби Орра на льду нет, то он, возможно, лучший игрок, которого вы когда-либо увидите. Я не могу описать, как он хорош. Он быстр, у него множество финтов, и он выполняет их на высшей скорости. Он умеет все. Он так же быстр, как Ивэн Курнуайе. Но Курнуайе не может контролировать шайбу настолько же хорошо, как Харламов»... Потом, когда ван Имп и его партнеры начали «охоту», я думал, что они внимательно читали рассказ Кларка о хоккеистах ЦСКА.

...А теперь я хотел бы коснуться темы в общем-то абстрактной. Я хотел бы представить себе, как сыграли бы мы в Филадельфии с обладателем кубка Стэнли, если бы матч был не последним в уже выигранной серии.

Так вот полагаю, что в начале турне, когда армейцы были преисполнены нерастраченного энтузиазма, когда в строю были еще такие могучие бойцы (я специально подчеркиваю — не просто большие мастера, но именно бойцы), как Геннадий Цыганков, Владимир Петров и Виктор Жлуктов, всегда охотно принимающие силовую борьбу, даже в ее крайних формах, игра сложилась бы иначе. Хоккей — это многоборье, здесь успех приходит к той команде, которая сильнее в сумме всех слагаемых, в технической и атлетической подготовке, в тактической эрудиции, в психологической устойчивости игроков. Уверен, что если «Флайерс» и превосходил в чем-либо ЦСКА, так это только в желании и умении вести силовую борьбу за рамками правил.

Это не слишком хитрое искусство! Знаю, что в драке мы могли бы и не уступить, но отвечать ударом на удар мы не хотели.

Бесчисленные драки, удары исподтишка, стремление вывести соперника из строя, запугать его, давление, которое не укладывается в рамки какого-либо разумного принципа ведения игры — все это складывается в антихоккей, где класс хоккеиста уже ни при чем. Вот почему 11 января 1976 года у нас создавалось ощущение, что нам противостоит команда роботов, неудачно запрограммированных.

Кстати, дальнейшие события в чемпионате НХЛ и розыгрыше Кубка Стэнли показали, что я был недалек от истины в своих оценках: «Канадиенс» весной уверенно переиграла «Флайерс» и буквально разгромила филадельфийцев в розыгрыше главного приза НХЛ. Хоккеисты Монреаля выиграли четыре матча из четырех, и остальные три игры им уже не понадобились.

Я знаю, что не только мы, но и заокеанские любители спорта с сожалением восприняли события, происшедшие в Филадельфии. «Вашингтон пост» писала: «Возможно, «Флайерс» и сильнее... но, к сожалению, мы этого никогда не узнаем, и советские хоккеисты всегда будут иметь оправдание, почему они не показали всего, на что способны: они пытались спасти свою жизнь».

Кстати, в Филадельфии поняли, кажется, что антихоккей не приносит пользы команде: «Флайерс» отчислил Шульца-Кувалду.

Этот матч мог стать праздником. А остался дурным воспоминанием. Самым большим шагом в сторону от развития замечательной, популярнейшей игры нашего века. Игры волнующей, увлекающей, восхищающей миллионы людей.

Но этот матч, к счастью, исключение. Я помню другие матчи, сыгранные на разном уровне, против разных соперников. Они дарили нам радость, приносили чувство гордости и за партнеров, и за соперников, и за свою игру. И как бы ни складывалась моя судьба в спорте, в какой бы последовательности, в какой бы пропорции ни чередовались взлеты и неудачи, я один из самых счастливых людей, потому что могу рассказать о настоящем большом хоккее.

Продолжение следует.

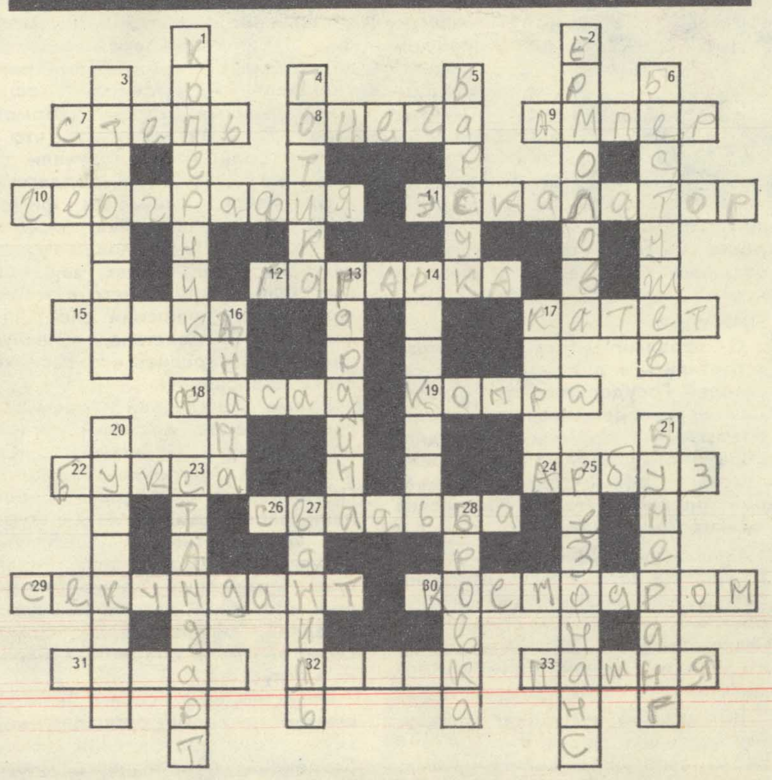

Харламов атакует.

На тренировке вместе с Александром Гусевым. Фото А. Бочинина.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Безлесное пространство. 8. Река в Архангельской области. 9. Единица силы электрического тока. 10. Описание Земли. 11. Движущаяся лестница. 12. Морская птица. 15. Порт в Югославии. 17. Сторона прямоугольного треугольника. 18. Передняя сторона здания. 19. Мякоть кокосового ореха. 22. Коробка подшипника вагона. 24. Бахчевая культура. 26. Рассказ А. П. Чехова. 29. Ассистент боксера. 30. Стартовая площадка межпланетных кораблей. 31. Стихотворение А. С. Пушкина. 32. Вид графики. 33. Вспаханное поле.

По вертикали: 1. Польский астроном. 2. Великая русская актриса. 3. Химический элемент. 4. Художественный стиль средневековья. 5. Пушной зверь. 6. Писатель-декабрист. 13. Оконная занавеска. 14. Угольный карандаш. 16. Курорт в Краснодарском крае. 17. Созвездие южного полушария неба. 20. Повесть Т. Г. Шевченко. 21. Метательная палица. 23. Образец, шаблон. 25. Явления резкого возрастания амплитуды колебаний. 27. Пряность. 28. Народный поэт Белоруссии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 5. Пушкин. 7. Шелонь. 10. Лиана. 11. Сентябрь. 12. Рубероид. 13. Снежка. 15. «Стучит!» 16. Ровница. 18. Колонок. 21. Гермес. 23. Опенок. 27. Ваттметр. 28. Роговица. 29. Айова. 30. Галька. 31. Пиджак.

По вертикали: 1. Кручинина. 2. Кинология. 3. Витебск. 4. Вельбот. 6. Биатлон. 8. Альт. 9. Парк. 14. Аракс. 15. «Садко». 17. Лейтенант. 19. Обухова. 20. Полиспаст. 22. Ежевика. 24. Погодин. 25. Ирак. 26. Грач.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Перед началом советско-ангольских переговоров. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Председатель Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), Президент Народной Республики Ангола Антонио Агостиньо Нето.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

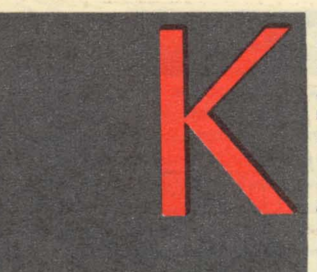
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Офсрмления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 27/IX — 1976 г. А 00726. Подп. к печ. 12/X — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2353. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 2851.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

К образу Давида Сасунского, созданному народом в страшную годину арабского нашествия, обращались многие мастера армянской культуры — писатели, художники, композиторы. Героика и мудрость эпоса вдохновляли их на создание произведений, отражающих чаяния армян о мире, счастье...

С героями эпоса мы снова встретились в дни московских гастролей Государственного ордена Ленина академического театра оперы и балета имени А. Спендиарова, открывшихся на сцене Кремлевского Дворца съездов премьерой оперы-балета Э. Оганесяна «Давид Сасунский».

Спектакль рождался долго, трудно. Не потому лишь, что жанр повествования был избран необычный, синтетический; сама эпическая тема казалась невместимой в жесткие рамки сценического действия.

Композитор несколько лет изучал варианты эпоса, героические песни, записанные великим Комитасом и его учениками. Шедевры народного творчества должны были органично войти в общую драматургию спектакля, в музыкальное полотно.

— Что же касается музыкального колорита Востока,— делится мыслями Эдгар Оганесян,— я старался показать его ярким, красочным... Я исходил из того традиционного уважения, которое наш народ всегда питал к большой культуре Востока.

Либретто, написанное главным балетмейстером театра В. Галстяном и Э. Оганесяном, обретало четкую драматургию, вокально-танцевальные формы, яркий национальный колорит, интересную сценографию, созданную художником Э. Едигаряном.

...Хор повествует о странствиях Мгера Старшего. О том, как царица Исмил-хатун сладкими речами и лаской пленила Мгера и родила от него наследника Мсра-Мелика. Раскаявшийся Мгер возвращается домой, к жене Армаган; она поклялась сорок лет не впускать мужа. Но народу нужен богатырь, способный защитить его от вражеских полчищ. Сасунцы требуют: «Мгер, Армаган, будьте мужем и женой, и да родится сын у вас!»

Много испытаний выпало на долю Давида. Его, как и отца, обжигающим, страстным танцем очаровывает восточная царевна. Но каждый раз голос народа напоминает ему о родине.

Вокальное обрамление спектакля красочно и выразительно. Певцы заслуженные артисты Армянской ССР Г. Алавердян (Дзенов-Ован) и Э. Узунян (Сасунская невеста), народная артистка республики Г. Галачян (Старая крестьянка) входят в стремительный ритм спектакля естественно, мощно поддержанные хором (хормейстер — Р. Айвазян). Жаль, что в балете солисты не получили такую же слаженную поддержку кордебалета. Эпическая фигура Давида, выразительная, мощная в сольных партиях, словно теряется в массовых сценах, занимающих значительное место в хореографическом решении спектакля; замысел В. Галстяна, пожалуй, оказался интереснее его сценического воплощения.

Кроме недавней премьеры спендиаровцев, москвичи увидели оперы «Ануш» А. Тиграняна, «Саят-Нова» А. Арутюняна, «Иоланта» П. Чайковского, «Норма» В. Беллини, балеты «Гаянэ» А. Хачатуряна, «Бессмертие» К. Орбеляна, и, наконец, «Шопениану». Репертуар интересный, многообещающий, способный дать точное представление о достижениях армянского театра в оперном и балетном искусстве.

Известно, что основы балетной школы закладываются десятилетиями. Для становления школы бесценен дух терпеливого, многотрудного освоения классического наследия, дух преемственности творческого опыта, накопленного поколениями мастеров. В театре есть талантливые танцоры: Н. Давтян, народный артист Армянской ССР В. Галстян, заслуженный артист республики О. Диванян — исполнители главных партий в «Давиде Сасунском» и «Гаянэ». Но пока балетная труппа не может выдвинуть исполнителей, равных по силе и глубине таланта ведущим солистам армянской оперы. Такое творческое неравновесие объяснимо. Первый армянский балет — «Счастье» А. Хачатуряна (на его основе композитор создал «Гаянэ») — увидел свет лишь в 1939 году, тогда как первая национальная опера «Аршак II» Т. Чухаджяна была написана в 1868-м.

В развитии оперного искусства приняли участие талантливейшие деятели армянской культуры: дирижеры Г. Будагян, С. Чарекян, К. Сараджев, режиссеры А. Бурджаян, Л. Калантар, А. Гулакян, В. Аджемян, замечательные вокалисты А. Даниелян, Ш. Тальян, Т. Сазандарян, П. Лисициан... Великолепным достижением в области театрально-декорационного искусства стали работы М. Сарьяна. Подвижнический труд этих мастеров, их строгий, требовательный вкус позволили оперной труппе ставить и решать сложные творческие задачи.

— В прошлом сезоне мы осуществили постановку «Нормы» Беллини,— сказал главный дирижер народный артист Армянской ССР А. Катанян.— Хочу отметить интересную режиссуру нашего гостя из Польши Болеслава Янковского. Ну, и, конечно, украшение спектакля — Норма в исполнении народной артистки СССР Гоар Гаспарян.

«Норма» стала для театра имени А. Сундукяна не только трудным испытанием, но и прекрасной школой воспитания певцов, развития вокального мышления, всей сценической культуры. Этот спектакль кажется достойным украшением гастрольной афиши ереванцев. Обращение к гениальному произведению Беллини потребовало высокого исполнительского мастерства во всех творческих звеньях коллектива и нашло бережное, безукоризненное прочтение партитуры дирижером А. Катаняном, стилевую точность оркестрового звучания, великолепную слаженность хора, суровую лаконичность декораций художника С. Арутчяна.

Первое же появление Нормы — Гаспарян еще раз подтвердило славу одной из лучших представительниц классической школы бельканто. Блестящая полетность голоса, прозрачность тембра, кристально чистый звук в верхних регистрах — все это в соединении с дивной музыкой Беллини оставляет впечатление действительно прекрасного.

— Впервые я услышала оперу Беллини в Каире,— вспоминает Гоар Микаэловна.— Партию Нормы пела Мария Канилья. Когда после спектакля меня спросили о впечатлении, я не могла сказать ни слова, так я была потрясена и красотой музыки и голосом Канильи. Потом я слышала эту партию в исполнении великой Марии Каллас и замечательной Джоан Сазерленд. Став певицей, я спела много интересных партий, но Норма всегда оставалась для меня мечтой, идеалом, вершиной. Я бесконечно благодарна своему первому учителю, маэстро Винченцо Карро, с которым готовила партию Нормы. Я искренне рада за своих товарищей по сцене.

Да, они оказались достойными партнерами Гоар Гаспарян — народный артист СССР Н. Ованесян и заслуженный артист Армянской ССР Б. Греков, создавшие величественный образ жреца Оровеза; народная артистка республики Г. Галачян и заслуженная артистка республики О. Габаян — две очень разные по вокальной интерпретации, но равно трогательные, искренние Адальжизы. Трудную партию Поллиона зрители услышали в великолепном исполнении В. Миракяна, народного артиста Армянской ССР, одного из лучших теноров страны. Гастрольные спектакли, так сердечно принятые москвичами, стали прекрасным щедрым даром артистов Армении зрителям столицы и ее гостям.

О. Габаян — княжна Анна, В. Миракян — Саят-Нова.

В. ВАРЖАПЕТЯН

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ПОСТИЖЕН

Финал. Прославление Давида.

Г. Алавердян — Дзенов-Ован.

В. Галстян в роли Давида Сасунского.

ИЕ ПРЕКРАСНОГО

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663